

A black and white photograph of Nikolai Nosov. He is an older man with a serious expression, wearing a dark fedora, a patterned scarf, a striped tie, and a dark suit jacket. He is standing outdoors with a blurred background of trees and foliage.

НИКОЛАЙ
НОСОВ

Иронические юморески • Кванты смеха

N. Nosov

Персона (Азбука-Аттикус)

Николай Носов

**Иронические юморески.
Кванты смеха**

«Азбука-Аттикус»

1969

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Носов Н. Н.

Иронические юморески. Кванты смеха / Н. Н. Носов — «Азбука-Аттикус», 1969 — (Персона (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-24692-8

В издание вошли два произведения Николая Носова, которые мало кому были известны до настоящего времени, – это сборник эссе «Иронические юморески», в которых автор размышляет на совершенно разные темы – от взаимоотношений родителей и детей до вопросов современной литературы, и трактат «Кванты смеха» – уникальное, своего рода литературоведческое исследование природы смеха – в жизни и в искусстве. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

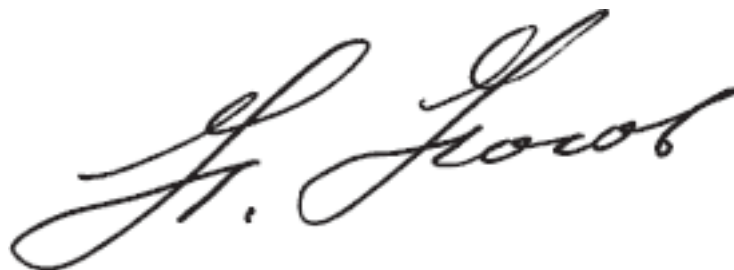
УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-389-24692-8

© Носов Н. Н., 1969
© Азбука-Аттикус, 1969

Содержание

Иронические юморески	6
Предисловие автора	6
На берегу моря	9
Нужно ли называть своих родителей предками и конями и о других подобных вопросах	12
Ещё об одном, всем надоевшем вопросе	17
О детских игрушечках, глупых шуточках, удобствах для взрослых и пр.	23
О старых песочницах, волшебных лавках, смелых замыслах и золотом осле	27
А, Б, В	32
Второй раз в первый класс	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Николай Носов

Иронические юморески. Кванты смеха

В оформлении книги использованы фотографии Петра Носова

© Носов. Текст, фотографии, 2023

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023 Mashaon®, Колибри®

Иронические юморески

Предисловие автора

Писать предисловие, скажу я вам, – это самое последнее дело для автора. Последнее – в том смысле, что автор обычно берётся за предисловие уже после того, как написал книгу, – в последнюю, так сказать, очередь. Ведь задумав книгу, ещё толком не знаешь, что из неё получится. Как же тут писать о ней? Сам автор, будь он хоть семи пядей во лбу, не сможет на этот вопрос ответить. Вместе с тем дело это последнее не только в прямом смысле слова, но и в переносном, то есть в том смысле, что писать предисловие – занятие вообще муторное, неприятное, не доставляющее никакой творческой радости. С одной стороны, в предисловии автору обычно хочется сказать о том, почему он написал свою книгу так, а не иначе. А он и сам часто не знает, почему именно написал так. С другой стороны, ему обязательно хочется объяснить читателю, как следует понимать его книгу, в то время как он (то есть автор) и сам иной раз не знает, как именно её следует понимать. Хоть он (автор этот самый) и понимает, что не понимает, что и как надо понимать в его книге, но всё же берётся писать предисловие, надеясь, что, пока пишет, он и сам что-нибудь наконец поймёт. И это, между прочим, не лишено основания (нечего тут смеяться). Неспроста процесс литературного творчества сравнивают часто с научным исследованием. В процессе писания автор как бы исследует тот или иной кусок жизни и, написав своё сочинение, уясняет для себя тот или иной вопрос – обогащается каким-то знанием. Ну, и заодно обогащает читателя. Разумеется, если у читателя есть желание обогащаться, то есть в том случае, когда он читает книгу не для того, чтоб поскорей заснуть.

Итак: «Иронические юморески».

У пытливого читателя сразу может возникнуть вопрос: почему «иронические», а не какие-нибудь ещё?

Объясняем.

«Иронические» – потому, что наиболее распространённым художественным средством, из числа тех, которые автор употребил при написании предлагаемых читателю литературных этюдов, является ирония. Ирония же, как известно каждому, кто изучал литературу в школе (если, конечно, изучение это происходило не при помощи одних шпаргалок), – это такой оборот речи, фраза, слово, в которых притворно (с целью насмешки) утверждается противоположное тому, что думают о каком-либо лице, явлении или предмете.

С иронией школьники знакомятся в довольно ранний период обучения, а именно когда «проходят» басню Крылова «Лисица и Осёл». В этой басне есть такие слова, с которыми Лисица обращается к встреченному ею Ослу:

Отколе, умная, бредёшь ты, голова?

Преподаватель обычно объясняет учащимся, что хитрая Лиса называет Осла умной головой, в то время как сама-то считает его, безусловно, глупым. Это и есть ирония. Пример с беднягой Ослom считается вообще классическим и приводится чуть ли не во всех учебниках по теории литературы.

Мы и сами часто употребляем в нашей обычной, повседневной жизни иронию, когда, вместо того чтобы сказать кому-нибудь, к примеру, «дурак», говорим «умник». «Умник» – это уже не так грубо, как просто «дурак», а более, так сказать, вежливо, деликатно, более, так сказать, современно, что ли. Существует научная гипотеза, то есть предположение, что первобытный человек вообще не знал иронии, а бұхал, как говорится, всё в прямом смысле. И

принимал, опять же, всё сказанное за чистую монету, что приводило подчас к нежелательным осложнениям, в результате которых обычное словопрение переходило в рукопашную схватку. Но теперь времена не те. С тех пор мы стали не в пример мягче, уживчивей и тактичнее: стали говорить не всё прямо, но и несколько, как бы это сказать, уклончиво, обиняком, намёком, иносказательно. Ирония, таким образом, родилась из потребностей жизни и свидетельствует о прогрессивном развитии общества, о нашем неуклонном движении вперёд.

В искусстве, каковым является и художественная литература, ирония – это один из видов метафоры, иносказания, без которых вообще немыслима никакая художественность. Как и в жизни, ирония употребляется в литературе не только ради изящества языка (деликатности), но и ради содержащейся в ней насмешки, то есть для осмеяния, для осуждения какого-либо нежелательного явления жизни. Ирония, таким образом, помогает читателю уяснить авторскую позицию, иначе говоря, помогает понять, как сам автор относится к описываемому предмету, событию или изображаемой личности, то есть считает он их хорошими или плохими. Можно не сомневаться, следовательно, что ирония – не какая-нибудь новомодная придурь, а штука полезная, нужная.

Ирония, родившись, живёт. И мы живём вместе с ней и уже не можем без неё обойтись, как не могли бы обойтись одними каменными топорами и деревянными палками, которыми пользовались наши доисторические пещерные предки. Читатель, читая, должен постоянно думать, в каком значении автор употребил то или иное слово, и внимательно следить, нет ли здесь какого-нибудь подвоха или иносказания, что имеет свою полезную сторону, поскольку ум читателя благодаря этому находится всё время в деятельном состоянии. Автор как бы заставляет читателя непрестанно (если тут позволительно такое выражение) шевелить мозгом, не давая ему задремать над книгой.

В этом, кстати сказать, и заключается секрет художественности. Читатель, шевеля мозгом, как бы самостоятельно додумывается до выводов, на которые его хотел натолкнуть автор, и как бы соучаствует в творчестве, то есть в какой-то мере повторяет тот процесс, который проделывал автор, когда писал своё сочинение. Это, конечно, трудно, так как требует от читателя постоянных мозговых усилий. Главное же – нужно разбирать, где автор говорит просто по-человечески, а где прибегает к художественной иносказательности. Ведь никакой автор не может говорить одними иносказаниями. Это было бы равносильно тому, как если бы кто-нибудь попытался печь пироги из одной начинки, то есть без теста. А какие же пироги без теста? Это уже и не пироги вовсе!

Ну, конечно, очень может случиться, что при таких обстоятельствах какой-нибудь читатель чего-нибудь и не поймёт в книге, но это всё же не может служить сигналом к тому, чтобы исключить из литературного арсенала иронию, метафору, аллгорию и тому подобные средства художественной выразительности. Такому читателю можно прямо сказать, что ему надо учиться, надо подтягиваться под общий уровень. Нельзя же норовить прожить жизнь так, чтоб чему-нибудь и не научиться. Да и, сказать по правде, таких читателей у нас не так много. Они ещё есть кое-где, но не они всё же определяют общее, так сказать, читательское лицо. В общем и целом читатель не такой дурак, и нечего бояться, что он не поймёт какой-нибудь шутки, аллгории или иронии. Как сказал один мудрый узбек: «Хозяину нечего бояться, что у гостя из пирога выскочит начинка». Так что писателю не для чего печь свои пироги пустыми, то есть из одного теста, а если у какого-нибудь гостя, то бишь читателя, что-нибудь там и выскочит изо рта или из пирога, то это уже его личное читательское дело. На писателя за это не следует быть в обиде.

А теперь перейдём к слову «юморески».

Автор употребил это слово для того, чтоб показать, что писал в данном случае, так сказать, не на полном серьёзе, а позволяя себе иногда пошутить. Как сказано в «Кратком словаре литературоведческих терминов», составленном профессором Л. Тимофеевым, «Юмореска –

небольшое произведение в прозе или стихах, беззлобно высмеивающее отдельные частные явления в общественной или личной жизни». Автор действительно предлагает читателю не какие-нибудь многотомные труды или трактаты, а именно небольшие литературные этюды (или, как их модно теперь называть, эссе), в которых и на самом деле позволяет себе кое над чем беззлобно посмеяться (то есть именно над тем, что заслуживает такого беззлобного смеха, а не так чтоб уж над всем подряд). Таким образом, с точки зрения серьёзной литературоведческой науки, здесь всё в порядке.

Правда, в обычном, читательском понимании слова, юмореска – это совсем уж какая-нибудь чутошная литературная крохотулька, или, как теперь принято говорить, хохмочка. Читатель, привыкший к такому микроскопическому пониманию этого слова, возможно, будет разочарован, не встретив в предлагаемом сборнике столь полюбившихся ему крохотулек, но, может быть, он всё-таки не будет очень сердиться, найдя несколько иную, но всё же вполне съедобную пищу для своего ума, и извинит автора, которому очень хотелось напомнить, что слово «юмор» имеет отношение не к одним крохотулькам, смешинкам, хохмочкам, чепушинкам, хохотулькам, хохморескам и пр., а содержит в себе и более серьёзный смысл.

Так или иначе, автор считает возможным оставить придуманное им название хотя бы как некую допустимую поэтическую вольность. Позволил же себе некогда Николай Васильевич Гоголь свои «Мёртвые души», написанные чистейшей прозой, наименовать поэмой.

В данном случае автор решил последовать примеру великого классика, хотя и вполне сознаёт своё место и помнит существовавшую некогда поговорку: «Что игумену можно, то братии – зась» (смотри примечание в конце книги).

Кстати, о примечаниях.

Настоящее издание снабжено научными комментариями, или, попросту говоря, примечаниями, включающими толкование малопонятных слов, выражений и оборотов речи, а также различные высказывания и замечания автора, которые по тем или иным соображениям не могли быть включены в основной текст. Главный и, пожалуй, единственный недостаток подобного рода комментариев заключается в том, что они помещены в особом разделе, в конце книги, что значительно затрудняет чтение, так как, отыскивая нужное примечание, читатель каждый раз теряет страницу, на которой оставил чтение основного текста, отыскав же эту страницу, он теряет страницу, где следует читать очередное примечание, и бьётся, таким образом, словно рыба об лёд, без конца, или, вернее сказать, до конца, то есть пока окончательно не потеряет терпение. Во избежание подобных эксцессов лучше всего зажимать книгу на нужных страницах пальцами, а ещё лучше пользоваться бумажными закладками, хотя, правду сказать, они часто выскакивают и теряются, что очень злит читателя. Я лично нахожу выход в том, что обычно читаю в книге сразу целый раздел, а потом прочитываю сразу все комментарии к этому разделу. Таким образом, мне не приходится то и дело скакать по книге, подобно воробью, скачущему по земле в поисках хлебных крошек.

И тем не менее рекомендовать этот способ каждому из читателей не представляется возможным. Дело в том, что все читатели делятся по темпераментам, в соответствии с которыми и поступают. Как известно, по темпераментам люди делятся на сангвиников, флегматиков, холериков и меланхоликов. Сангвиники – это те, которые читают книги в спешке, не особенно вдумчиво и не обращая никакого внимания на всяческие комментарии, сноски и примечания, отчего, конечно, много теряют. Флегматики – люди дотошные. Эти читают с толком, с чувством, всё подряд, вместе с предисловиями, эпиграфами и послесловиями, и, если встречаются примечание, они и его аккуратно прочитывают. Холерики читают кое-как, вразброд, пропуская неинтересные (по их мнению) места, выковыривая, так сказать, из пирога одну начинку; комментарии же когда читают, а когда – нет; вообще очень неряшливая в этом отношении публика! Наконец меланхолики – народ подозрительный, придирчивый, мрачный. Если им попадается в руки книга, они её не читают или раскрывают с конца и прочитывают одни комментарии

(разумеется, если таковые имеются), после чего швыряют книгу куда-нибудь в тёмный угол и уже больше не возвращаются к ней. И правильно, между прочим, делают, ибо, как сказал один неизвестный литературовед: «Важна не Шекспир, а комментарии к нему». Необходимо отметить, что темпераменты никогда не встречаются в человеческих особях в чистом виде, а каждый человек является как бы смесью различных темпераментов с преобладанием всё же какого-нибудь одного из них, что не всегда легко обнаруживается, в связи с чем делать рекомендации, как кому читать книгу (от начала к концу или от конца к началу), – дело весьма затруднительное, и это лучше оставить на усмотрение самого читателя. Всем, как говорится, своего ума не вставишь. Для писателя, в конце концов, важнее всего написать свою книгу правдиво, остальное – уже не его забота. Эту мысль прекрасно выразил один петух, который, как известно, изрёк: «Моё дело – прокукарекать, а наступит рассвет или нет, я за это не отвечаю».

Тем не менее движимый милосердием, идя, как говорится, навстречу потребителю, автор решил не снабжать свои сноски, как это обычно делается, номерами, избавив таким образом читателя от необходимости заглядывать каждый раз в конец книги. Пусть читатель читает себе без помех основной текст, так как и без комментариев ему всё будет понятно, а потом, если захочет, пусть почитает и комментарии.

Вот приблизительно всё, что автор хотел сказать в своём предисловии. А теперь читатель, если не потерял, так сказать, аппетита, может приступить к чтению пирога, то бишь – тьфу! – к чтению книги.

На берегу моря

Отдав дежурной распоряжение говорить всем, что директора нет и сегодня не будет, директор гостиницы «Приморская» Иван Степанович вышел из своего кабинета чёрным ходом. К этой уловке Иван Степанович прибегал каждый раз, когда нужно было избавиться от какого-нибудь назойливого приезжего, во что бы то ни стало хотевшего поселиться в его гостинице. В этот день он уже выдержал схватку с несколькими посетителями, ни за что не желавшими верить, что свободных номеров нет и не будет, и поэтому находился в таком состоянии духа и тела, когда его, как он выражался, начинало передёргивать. Пройдясь по приморскому бульвару, он уселся на лавочке, на которой уже сидел какой-то одинокий гражданин в тёмно-зелёной фетровой шляпе и хмуро глядел на море.

Солнце только что скрылось за морем, отчего правая половина неба окрасилась пурпуром; слева же небо ещё светилось дневной лазурью. Море мерно плескалось о берег.

Директор шумно вздохнул, бросил косой взгляд в сторону своего соседа и, вытащив из кармана коробку папирос «Казбек», размашисто положил её рядом с собой. С таким же треском он положил на скамейку спички, снова стрельнул глазами в сторону мрачного гражданина и ещё раз вздохнул. По всему было видно, что Ивану Степановичу хочется поговорить, излить перед кем-нибудь свою душу. Хотя он и устал от разговоров и споров с бесконечными посетителями, но почему ему не поговорить так просто с хорошим человеком, которому до него нет никакого дела, который ничего от него не требует?

Иван Степанович достал папироску, постучал ею о крышку коробки и заговорил:

– Приятно посидеть на берегу моря, а? Папироску хотите? Вы курите? «Казбек», – предложил он, протягивая папиросы.

– Спасибо. Я – «Беломор», – коротко ответил сосед, и его рука машинально полезла в карман за папиросами.

Оба закурили и некоторое время молча дымили, глядя на море.

– Хорошее море, а? – возобновил разговор директор.

– Да.

– Успокаивающе действует на нервную систему, если хотите знать. Нервных людей посылают сюда лечиться. Что вы думаете? Они сидят на берегу, слушают шум моря, и это их успокаивает. Да-а, – протянул он и, видя, что сосед не поддерживает разговора, попытался поддержать его сам: – А на меня вот уже и шум моря не действует. Честное слово! Специальность у меня собачья. На всех лаю, если хотите знать. Я директор гостиницы. Вы знаете, сколько сюда приезжает отдыхающих? Это вам не Москва, не Ленинград. Это же курорт! Гостиница на самом берегу моря, пляж рядом, ресторан при гостинице. Это ведь удобно! Каждому сюда хочется, а номеров не хватает. Одному откажешь, другому откажешь, к вечеру – сумасшедший, никакого моря не надо. Вы думаете, почему я здесь? Может быть, думаете, пришёл подышать воздухом? Нет! Я от полковника убежал. Честное слово! Такой полковник попался, что хуже не надо. Не так полковник, как его жена. Вот жена, скажу я вам, – хрен с редькой, а не жена. Я ей слово, она мне двадцать. «Вы, – говорит, – не умеете культурно с людьми разговаривать. Вы, кажется, видите, с кем имеете дело». Я говорю: «Я прекрасно, гражданка, вижу, что у вас муж полковник, но ведь гостиницы строятся не для одних полковников, а мне лично всё равно, что полковник, что простой человек. Простой человек даже лучше. Ему скажешь, что номеров нет, он и уйдёт себе». – «А, – говорит, – вам только и нужно, чтоб от вас ушли». – «Ничего, – говорю, – мне такого не нужно. Пожалуйста, сидите себе на здоровье, но я вам ясно сказал, что номеров нет». – «Ну, нет, – говорит, – так будут». – «Мне, – говорю, – лучше известно, будут или не будут». – «Ничего, – говорит, – вам не известно. Мы подождём». Вот и сидят теперь, ждут.

Мрачный гражданин неопределённо хмыкнул и с любопытством взглянул на своего разговорчивого соседа. Это подбодрило Ивана Степановича.

– Вы думаете, я не хотел им номера дать? – заговорил он с новой энергией. – Я хотел, честное слово, хотел, но когда со мной вот так разговаривают, то разве у меня самолюбия нет? Я так считаю: раз ты приехал, то твоё дело просить, а не требовать. А станешь требовать – пеняй на себя: ничего не получишь. Ко мне вот так один художник из Москвы целую неделю подряд ходил и всё требовал номер. Вы думаете, он получил у меня номер? Фигу он получил, а не номер. Приходит, понимаете, однажды ко мне в кабинет этот художник – я тогда и не знал вовсе, что он художник, – и говорит: «Что это у вас за гостиница? В ней, может быть, постоянные жильцы живут? Я уже три дня хожу, и каждый раз мне дежурная говорит, что номеров нет». Я говорю ему: «Гостиница как гостиница, как и всякая другая. Каждый день кто-нибудь приезжает, каждый день кто-нибудь уезжает. Если хотите знать, номера и сегодня были, и вчера, и позавчера». – «Значит, дежурная просто врала мне?» – говорит он. «Зачем, – говорю, – врала? Это её обязанность – говорить всем, что номеров нет. Она ведь не распределяет номера. Номера распределяю я». – «Хорошо, – говорит он. – Значит, кто поверит дежурной, тот уйдёт ни с чем, а кто не поверит и догадается зайти к вам, – получит номер?» – «Ну, – говорю, – если есть свободные номера, то получит, а нет, так тоже уйдёт». И вы знаете, что говорит этот художник? «Вы, – говорит, – неправильно делаете: учите своих сотрудников лгать. Номера у вас получает не тот, кто раньше пришёл, а кому просто посчастливилось. Нужно было бы установить очередь. Я фактически вот уже три дня жду, а за это время у вас получили номера те, кто после меня пришёл». – «Зачем мне ваша очередь? – говорю я. – У меня и без очереди дела хватает. Если освободится вдруг номер, он у меня не будет пустым простаивать, всегда найдётся, кому сдать. Люди всё время приходят, всё время уходят. Вы вот уже где-то устроились, а тут, может быть, человек подойдёт, которому негде жить». Он говорит: «Так и мне негде жить. Я у случайного знакомого остановился. Зачем мне его стеснять? Я имею право в гостинице остановиться, как и всякий другой». Как вам это понравится? Он говорит о праве! Значит, каждый имеет право въехать в гостиницу, хочу я этого или не хочу. Знаете, что я ему сказал? Не знаете?

– Н-нет, – нерешительно протянул гражданин в шляпе.

– Так слушайте. Я сказал ему: «Я не знаю, какое у вас право, а если вы так разговариваете, то я вам скажу: наведайтесь завтра, сегодня ни одного свободного номера нет». Вот он и наведывался ко мне целую неделю подряд. Думаете, я не мог устроить ему номера? Конечно, с номерами трудно, особенно в разгар сезона, но ведь это же гостиница: каждый день уезжают люди, каждый день приезжают. Так он под конец сказал мне: «Я знаю, что вам надо. Вам надо вот это».

Директор потёр палец о палец, словно пересчитывал деньги, и спросил:

– Вы понимаете, что это значит? Это значит, что я хочу с него взятку. Вы слышали?

– Но ведь вы сами дали ему повод так думать. Если человек ведёт себя непонятно, то каждый может думать что хочет.

– Вот! – подхватил директор обрадованно. – Вы совершенно правы. Я сразу понял, что вы человек умный. Думай себе что хочешь, а зачем говорить? Я же вижу, какой человек пришёл. Хороший человек придёт, дежурная ему скажет, что номеров нет, так он не обижается. Он спросит у дежурной, как имя-отчество директора, приходит ко мне в кабинет: «Здравствуйте, Иван Степанович!» Всё по-хорошему. Такому человеку я всегда сделаю. Ну, если действительно нет номеров свободных, скажешь, чтоб пришёл позже. Такой человек не обижается, он придёт позже, зато получит, что ему надо. В этот сезон пожил, на следующий год снова приедет, как хороший знакомый; он ещё и приятеля с женой привезёт, и приятелю его номер устроишь. По-хорошему всегда можно. А этот художник – поверите? – за всю неделю даже имени моего не узнал, ни фамилии, только критику наводил!

Иван Степанович пососал догоревшую папиросу, отбросил её широким жестом в сторону, потом похлопал себя рукой по коленке и продолжал:

– А то бывает ещё такая публика: «Нет номеров, – говорит, – так я сяду и буду ждать». И что вы думаете? Досидится-таки, пока не увидит, что кто-нибудь из гостиницы выезжает. Вот и сейчас: я тут с вами сижу, а там полковник с женой сидит, а в восемь часов жилец из сорок седьмого номера выезжает. А у меня этот номер уже давно одному заведующему пивной палатки обещан, потому что этот номер на двоих, а заведующий с женой в одиночном номере живёт. Ну, ладно, я этого пивного заведующего переведу в сорок седьмой, а полковник с женой пусть идёт в одиночный, всё равно от него не отделаешься.

Директор вздохнул и огляделся вокруг. Яркие краски заката давно погасли. Над морем загорелась бледная звёздочка. Она светилась желтоватым светом и висела точно над серединой горизонта. Казалось, она находилась именно там, где было нужно, что внушало удивительное чувство гармонии и симметрии. Море плескалось по-прежнему. Оно шумело так же, как днём, как вчера и как позавчера, как тысячу лет назад. Директор зевнул и, поднимаясь, сказал:

– Очень приятно было поговорить с вами. Благодарю за беседу. Теперь можно и по домам.

– Хорошо тому по домам, у кого дом есть, – мрачно сказал гражданин в шляпе.

– А что, вы, может быть, приезжий? – насторожился директор.

– Приезжий. И в гостинице у вас был. Дежурная мне сказала, что номеров нет. Вот сижу и не знаю, что делать.

– Голубчик, кто же с дежурными разговаривает? С директором говорить надо. Пойдёмте, я вижу, что вы хороший человек. С таким вниманием выслушали меня. Я вас устрою. Сделаем так: я переведу заведующего пивной палаткой в сорок седьмой, вам будет чудесный одиночный номер с видом на море. Вы же одинокий?

– А как же полковник?

Иван Степанович досадливо махнул рукой и скорчил гримасу, словно хватил уксусной эссенции:

– Э, полковник! Кто говорит о полковнике! В девять часов уезжает целая семья из пятидесятого номера. Найдётся место и для полковника. Всё хорошо будет.

Гражданин в шляпе достал из-под скамьи чемодан и с повеселевшим лицом зашагал вслед за директором к гостинице.

Нужно ли называть своих родителей предками и конями и о других подобных вопросах

1

Милая девочка Лялечка!
С куклой гуляла она
И на Таврической улице
Вдруг увидела слона...

Ха-ха! Я пошутил просто! Не слона увидела Лялечка. И вовсе не гуляла она, а шла первого сентября в школу. И не с куклой, а с сумкой, где лежали у неё букварь, и тетрадошки, и пенал с карандашиками – всё, что нужно каждому, кто идёт первый раз в школу. Тема эта столь поэтична, что хотелось заговорить о ней какими-нибудь милыми, трогаящими за сердце стихами и настроить таким образом читателя на лирический лад.

На душе у Лялечки распускались цветы и гремели оркестры. Всё вокруг казалось изумительным и полным значения. Уже сколько дней – да что дней! – уже не первый год она мечтала о том, как пойдёт наконец в школу. Сколько раз с завистью смотрела на школьников, которые ранним утречком бодро шагали по улице с сумками. Для неё было бы счастьем хотя бы дотронуться до какого-нибудь из них. Они казались ей особенными существами. И сколько раз она расспрашивала и маму, и папу, и бабушку о школе, какие там мальчишки и девочки, как они учатся, какие учителя? И мама, и папа, и бабушка рассказывали ей. И о школе, и об учителях, и о её будущих школьных друзьях, и о том, как Лялечка будет прекрасно учиться, и как учительница похвалит её, и о многом другом.

Ещё задолго до того как идти в школу, Лялечке купили школьную сумку со всеми принадлежностями и сшили новое платьице. Лялечка не раз примеряла платьице: боялась, что как-нибудь ненароком вырастет из него, и не раз просила бабушку достать из шкафа школьную сумку, чтобы полюбоваться ею.

А когда наконец наступило долгожданное первое сентября и Лялечка, поднявшись ни свет ни заря с постели, нарядилась в своё новое платье и взяла в руки сумку со всеми принадлежностями, она была как бы на седьмом небе от счастья. Все только и говорили ей, что теперь она уже первоклассница, самая настоящая первоклассница, самая-самая что ни на есть настоящая-пренастоящая первоклассница... И само слово «первоклассница» казалось ей прекрасным и полным высокого смысла. Оно как бы говорило Лялечке, что теперь она первая. А Лялечка уже знала, что быть первой – ужас до чего хорошо. Хорошо, например, встав поутру, первой побежать умываться. Хорошо за обедом первой съесть манную кашу. Хорошо прибегать первой, когда бегаешь взапуски. Вообще во всём, во всём хорошо быть первой!

И слово «класс» тоже хорошее. И в школе есть классы. И есть ещё соседский Вовка – он всё, что ему очень нравится, называет классным. У него и пистолетик классный, и оловянные солдатики классные, и заводной автомобильчик классенький. А когда папа и мама спорят о прочитанных книгах, они, если писатель им очень понравился, говорят, что он классик. Это значит, очень хороший писатель, классный.

Ну, а слово «первоклассница» – это просто чудо какое слово! Оно звучит гордо и уважительно. Когда Лялечка шагала с сумкой по улице, она твердила про себя это слово, и оно

было для неё словно музыка. И теперь уже она сама себе казалась особенным существом, вроде марсианина, который каким-то чудом перенёсся на нашу планету.

А когда Лялочка очутилась наконец на школьном дворе с массой других мальчиков и девочек – и таких маленьких, как она, и побольше, и совсем больших, – её увидела тётя с весёлым улыбающимся лицом и сказала:

– Ну, иди-ка, иди сюда. Ты ведь первоклашка, я вижу.

– Я первоклассница, – с достоинством ответила Лялочка.

Тётя засмеялась:

– Ну, первоклассница или первоклашка – это же всё равно, глупенькая. Пойдём, я покажу тебе, где первоклашки строятся.

И она, взявши Лялю за ручку, отвела её туда, где собирались самые маленькие ученики и ученицы, и велела, чтоб все они построились парами. Потом пришёл какой-то высокий дяденька (а он был директор той школы) и, изобразив на своём лице широкую улыбку, спросил:

– А это ваши первоклашки, Ирина Дмитриевна?

– Мои первоклашки, – широко улыбнулась Ирина Дмитриевна.

– Ну, ведите, – милостиво разрешил директор. И все маленькие ученики и ученицы, все, кто впервые пришёл в этот день в первый класс, взявшись за ручки, двинулись к дверям школы.

И мы не знаем, что там было дальше.

Знаем только, что, когда Лялочка вернулась домой и все с радостным изумлением бросились к ней и закричали: «Вот пришла наша первоклассница!» – Лялочка угрюмо насупилась и сказала, что она вовсе не первоклассница.

– Кто же ты? – удивились все.

– Перwokлашка.

– Перwokлашка?!

– Перwokлашка!

Её милые пухленькие губки, которые самой природой, казалось, были созданы только для того, чтоб смеяться, как-то не по-детски дрогнули. Она бросила на пол свою любимую сумку.

– Не пойду больше в школу! – сердито сказала она.

И слёзы закапали из её удивительных голубых глаз.

Вот не вру, честное слово! Детишки ведь глупенькие и часто плачут по каким-нибудь совсем пустяковым поводам.

На этом с лирикой разрешите покончить и перейти к другим, более прозаическим вопросам.

2

Недавно иду по улице. Навстречу две девушки. Одна говорит другой:

– А Маринка-то наша, знаешь, со своими предками поссорилась.

Эта фраза сперва как-то проскользнула мимо моих ушей, а потом меня словно толкнуло.

«Предки! – подумал я. – Так они же, как бы это сказать, давным-давно перемёрли все! Как могла Маринка поссориться с мертвецами, от которых, может быть, уже и костей не осталось?»

Я, конечно, тут же сообразил, что речь в данном случае шла не о предках в прямом значении этого слова, а об обыкновенных родителях, самых простых, так сказать, но горячо любимых и уважаемых папе и маме, которых девушки в силу установившейся среди них традиции называли условно предками.

В следующий момент меня уже беспокоила мысль, почему я не понял этого сразу. Ведь я не раз встречал это слово на страницах так называемых молодёжных повестей и романов, молодые герои которых изъясняются не иначе как на так называемом молодёжном жаргоне.

«Видно, однако ж, что к чему уже привык глаз, к тому ещё не привыкло ухо, – догадался я. – Вот буду почаще слышать такие слова в жизни (хотя бы в той пропорции, в какой они встречаются в литературе) и попривыкну. Может быть, и сам начну называть себя предком. Или конём. Чего не бывает на свете! До всего можно дойти».

Могут сказать, что такие милые словечки произносятся в шутку. Да ведь в каждой шутке есть доля правды. Родители и на самом деле близки к тому, чтобы стать в некотором роде предками. Называя родителей так, пусть даже в шутку, молодой человек как бы заранее хоронит их, начинает думать о них как о чём-то уже неживом, отжившем, несуществующем, мёртвом. Ему поначалу, может быть, и самому больно и неприятно так думать о своих родителях, то есть о самом святом и близком, что есть у человека в жизни, но понемногу он привыкает наплеватьски относиться к подобным мыслям, а заодно и к подобным понятиям. А тут ещё в модном романе прочтёт он, как этакие хорошие симпатяги с элегантною небрежностью бросают это слово направо и налево: «прэ-эдки». Ему ведь тоже хочется симпатягой быть. Этаким бесшабашным удалцом, острословом, которому сам чёрт не брат, а не то что какие-то там папа с мамой.

Или вот конь ещё. Разве не остроумно отца с конём сравнить? Ведь конь, он кто? Разве конь не тот, кто работает на нас, возит нас на своём горбу? Раз так, то и отец – конь. А может быть, ещё и осёл! Чего там стесняться! В древние времена один древний грек сказал другому древнему греку: «Я назвал тебя добрым отцом, потому что не знаю имени почётнее». Молодец, древний грек! Чужого человека отцом назвал. А этот родного отца зовёт лошадыю. Вот уж, как говорится, ради красного словца не жалеет ни матери, ни отца.

Сказать по совести, такого даже как-то жалко становится. Отец у него уже не отец, а конь или предок, друг – не друг, а корешок или кореш, приглянувшаяся девушка – вовсе не девушка, а чувиха или шмакодявка. Как её и полюбить, если она шмакодявка? Может быть, поэтому он и не пытается любить, а создаёт теорию о том, что никакой любви нет, а есть, дескать, одно физиологическое влечение, вроде как у собаки. Если он заметит, что девушка равнодушна к нему, то не поступит с ней благородно, как какой-нибудь там Евгений Онегин. Он-то уж не упустит того, что плывет в руки, «будь спок»! Но так как не всё человеческое ещё в нём убито, то и он может влюбиться. Влюбившись же, начнёт строить все отношения с подругой на полном подчинении её воли своей. Если же встретит с её стороны отпор, то начнёт беситься, приходить в раж и выворачиваться наизнанку. И наоборот. (Наоборот в том смысле, что так может вести себя и особа противоположного пола.)

Просто удивительно, до какой степени этот так называемый молодёжный жаргон может влиять на мысли и чувства молодого человека, на его общественное самосознание. Вернее было бы сказать, что он сам, этот жаргон, является выражением определённого самосознания, миропонимания. В действительности, термин «молодёжный жаргон» неточно отражает суть самого понятия, так как далеко не вся молодёжь употребляет эти унижающие человеческое достоинство слова, а только какая-то её часть, которую объединяют определённые (эгоистические) взгляды на жизнь, на общество, на человеческие взаимоотношения, на труд (вспомним такие уничижительные словечки из этого лексикона, как «ишачить», «тудяга» и др.).

Хотелось бы поспорить с теми, кто так усердно доказывает, что в употреблении подобных слов ничего страшного нет, кто говорит молодому человеку, заболевшему жаргонной коростой, что это-де ничего, что это-де у тебя от молодости, что это-де у тебя пройдёт с возрастом, и ты будешь как все.

А что такое «как все», позволительно было бы спросить? Разве все такие, как все? Чёрта с два! Все разные!

3

Однажды прихожу в школу. Передо мной ученик четвёртого класса, или, как его принято теперь именовать, четверокласска. (Теперь уже успели появиться не только первокласски, но второкласски, и третьекласски, и четверокласски. Скоро, должно быть, и десятикласски появятся. Быть четверокласской, вероятно, обидней всего – на четвероножку похоже.)

– Ну как, – спрашиваю, – у вас в классе идёт учение?

В школе всегда стараюсь говорить «учение», а не «учёба». Педагогам почему-то не нравится это, на мой взгляд, вполне хорошее и нужное слово, и они предписывают заменять его всюду словом «учение». (Всякие «класки» – это им ничего, а вот «учёба» – плохо).

Ученик говорит:

– У нас в классе шесть отличников и десять хорошистов.

– Ого!

Моё восклицание относится, впрочем, не к приведённым цифровым показателям, а к этому неожиданному для меня слову. Я всё же стараюсь не обнаружить своей отсталости в области языка.

– А ты как учишься?

– Я хорошист, – не без гордости заявляет он.

«Видать, ребятишки сами изобрели это слово, – думаю я. – Если пятёрочники – это отличники, то четвёрочники – хорошисты. Не называть же их хорошниками! Ещё нелепее будет».

Попадаю на педсовет. Там учительница с вполне благообразной педагогической внешностью так и сыплет: «В таком-то классе столько-то отличников и столько-то хорошистов, в таком-то классе столько-то...» и т. д.

«Ну, – думаю, – у ребят подхватила... а может быть, учителя сами придумывают такие словечки для внутришкольного, так сказать, употребления?»

И вдруг: «Подростковый возраст... Ребята подросткового возраста... Дети, вступая в подростковый возраст...» Сначала никак не могу понять, почему это словосочетание так активно не нравится. Потом замечаю, что здесь два однокоренных слова подряд – масло масляное! Теперь можно не сомневаться, что тут не ребячье, а чисто педагогическое творчество. На кой леший ребятишкам такое понятие, как «подростковый возраст»? Они и без него проживут!

Ухожу с педсовета и уже в коридоре слышу, как одна учительница предлагает другой отправиться вместе куда-то.

– Сейчас не могу, – отвечает другая. – Мне ещё в девятом «А» провести задушевку надо.

«Какую ещё задушевку? – думаю озадаченно. – Звучит ещё страшнее, чем “душегубка”!»

Конечно, догадываюсь, что речь идёт о задушевной беседе, которую учительнице предстоит провести с учениками девятого класса.

С любопытством оглядываюсь на преподавательницу, которая допускает в своей речи подобного рода слова: волевая такая бабёнка, с властной ухваткой, в румянце во всю щёку: заметно, что из бывших пионервожатых. Вижу: такой тётеньке что стоговить яичницу, что провести задушевку одинаково, как теперь некоторые говорят, запросто. Провести задушевку небось даже проще. Там ещё разведи огонь да яйца раскокай, а тут мели языком, не особенно утруждая себя выбором слов...

А утруждать всё же надо, потому что слово-то, оно, как сказал поэт, «полководец человеческой силы»! А только его чуток попробуй переверни, глядь – и ничего уже в нём человеческого, никакой силы, не говоря уже о какой-то там задушевности!

Как видно, у педагогов свой жаргон. Педагогический, так сказать (вернее – антипедагогический). Не особенно страшно, что в этом учительском лексиконе попадают такие слова,

как «хорошисты», и словосочетания, вроде «подросткового возраста». Слова эти попросту некрасивые, образованные в несоответствии с законами, с эстетикой языка. Гораздо вреднее слова оскорбительные, принижающие, извращающие сами понятия, которые пытаются обозначать. Это всякие вертящиеся на языке у невзыскательных педагогов первоклашки, задушевки, речовки, продлёнки, компашки и пр. Уже скверно хотя бы то, что и ребята знают эти слова. Они сами уже готовят речовки, участвуют в задушевках, обзывают друг друга первоклашками и прочими «клашками». Разве это только отрицательно сказывается на формировании их речи? Нет! И на формировании самого мировоззрения, самой нравственности!

4

В последнее время особенно заметна тенденция к переименованию слов по типу «компашки» и «задушевки». Теперь уже не зачётная книжка, а зачётка, не читальный зал, а читалка, не совещание по планированию, а планёрка, не авторучка, а самописка (будто она сама за нас пишет), не корреспондентка детской газеты, а деткорка, не кругосветное путешествие, а кругосветка, не Музей имени Пушкина, а Пушкинка, не «Сикстинская мадонна», а «Сикстинка», не «Пионерская правда», а «Пионерка», не аморальное поведение, а аморалка, не музыкальное училище, а музыкалка... и пошло, и поехало по раз заведённому шаблону.

И теперь уже не только мальчишки стали «мальчишки», но и вполне взрослые двадцатидвухлетние парни, которых и юношами уже не назовёшь, тоже «мальчишки». И не только девочки, а даже девушки (и даже преимущественно девушки) – это теперь «девчонки». Их называют теперь так уже и в глаза, и за глаза, и по телевидению, и в печати, и в песнях (мальчишки, девчонки, девчонки, мальчишки, тра-ля-ля, тра-ля-ля, ля-ля!).

Откуда вдруг это стремление заменить нежное, ласкательное «ушка» (девушка, голубушка, матушка, хозяйушка, лапушка, зазнобушка) презрительным, уничижительным «онка» (девчонка, книжонка, газетёнка, правдёнка, бабёнка)? Дальнейшая демократизация речи, что ли? Но ведь слово «демократический» ещё покуда не значит «хамский»!

Почему нам и в голову не придёт сказать или написать, что Татьяна Ларина была девчонка? Или назвать девчонкой Наташу Ростову? Неужто потому, что Татьяна Ларина – помещичья дочка, а Наташа Ростова и вовсе графиня? Нет же, честное слово! Для нас их образы – выражение чистого, прекрасного, высокого, светлого, с чем слово «девчонка» уж никак не вяжется.

Если слово является выражением мысли, то ведь слово «девушка» выражает одну мысль, а слово «девчонка» совсем другую. Попробуйте мысленно назвать Наташу Ростову Наташкой Ростовой, и вы почувствуете, как у вас в голове что-то болезненно переименовывается, и на собственном опыте убедитесь, что не только слово, а уже одна буква в слове – не пустой звук. Нет уж! Заменить слово «девушка» словом «девчонка» – это не значит попросту изменить форму слова. Это значит заменить одно понятие другим, заменить одно отношение к предмету другим, что законно, лишь когда сам предмет претерпевает изменения.

Куда, впрочем, ни шло, если бы такая замена производилась лишь в каком-то кругу, при обычном, никого ни к чему не обязывающем разговоре, но она производится, так сказать, громко, всеобщно, с использованием всех современных средств общения между людьми. Ещё там, где два-три года назад автор иной газетной статьи написал бы «юноши и девушки», теперь он пишет «мальчишки и девчонки», ни капельки не смущаясь тем, что разговор идёт не о первоклашках, которых, кстати сказать, тоже уважать следовало бы, а об учащихся десятых классов, о выпускниках, то есть юношах и девушках в возрасте Наташи Ростовы и Татьяны Лариной, или об учащихся вузов и молодых рабочих, многие из которых успели пережениться и повыходить замуж. Этим уже, как видно, до самых бабушек суждено оставаться девчонками.

Чует сердце, что наряду с так называемым блатным, молодёжным, педагогическим и другими жаргонами существует – как бы его назвать? – журналистский жаргон или писательский. Журналист или писатель, желая максимально приблизиться к своему читателю (а его читатель – обычно он же и герой его произведения), старается и мыслить, и писать на языке своего героя. Он (такой писатель) считает, что его герой сам говорит «первоклашка» там, где следовало бы сказать «первоклассник», и тоже пишет вслед за ним «первоклашка»; он полагает, что его герой говорит «кругосветка», вместо того чтоб сказать «кругосветное путешествие», и пишет, что Магеллан, дескать, совершил кругосветку (это беспримерный исторический подвиг – кругосветка!). А так как ему кажется, что его герой (он же читатель) считает безнадёжным пижонством называть девушку уважительно девушкой (подумаешь, какое там ещё уважение!), то и называет её если не чувихой, кадришкой или шмакодявкой, то хотя бы девчонкой.

Словом, у него постепенно накапливается набор таких популярных ходовых словечек, которые являются как бы дежурным блюдом на его столе и которые он употребляет по мере надобности для пушей популярности и живописности изложения.

Иной литератор прекрасно понимает, что если он начнёт в своём сочинении твердить: мальчики да девочки, юноши да девушки, матери да отцы, то его произведение будет выглядеть слишком благообразным и его, пожалуй, и читать-то никто не станет. Вот он и заведёт: мальчишки да девчонки, кодла да шмотки, чуваки да лабухи, кони да предки, а когда дойдёт до шмакодявок, то так-то хорошо станет, что читателя и клещами от книги не отдерёшь.

Знаем. Найдутся такие люди, которые скажут, будто мы хотим наложить на язык узду, запечатать всем рты, стать поперёк прогресса и подгрызть само дерево, на котором вся литература сидит.

Скажем прямо: ничего мы такого не хотим, ничего подгрызать не собираемся. Мы считаем, что можно пользоваться всеми красотами языка, в том числе и красочными словечками из разных жаргонов. Только делать это надо так, чтоб ни у кого не возникало желания подражать тем несчастным, которые уже досыта этой словесной дряни наелись и сами не замечают, что сидят по самую чёлку в грязи.

А вот как это делать – это уже другой вопрос. Это уже относится к проблемам писательского мастерства, разговор о котором пойдёт в другом месте.

Вопрос же, поставленный в начале этой статьи, то есть нужно ли называть своих родителей предками и конями, кажется нам совершенно ясным. Тем же, кто не разобрался, скажем прямо, что называть своих родителей предками и конями не стоит. С этим лучше пока погодить.

Ещё об одном, всем надоевшем вопросе

Нынче все о мещанстве пишут. И я в том числе. Чтоб не подумали, что хочу оригинальным быть. Или новатором. Или, не дай бог, модернистом. Тема эта настолько обширна, что здесь каждый может сказать что-нибудь своё. Правда, многое уже сказано, да всё ж таки далеко не всё.

Вот, к примеру, разве сказано о мещанине хоть одно доброе слово?.. Не сказано! Всё мурло да мурло! Нельзя же так! Это хоть кого разобидеть может. Затравили беднягу совсем! Это, что ли, педагогично? Уже и самого мещанина совсем мало осталось. Не знаю, где теперь и увидишь его. Совсем недавно ещё выйдешь, бывало, на улицу вечером, глянешь на освещённые окна домов – батюшки, сколько там на всех этажах мещанина сидит! Один на одном! У каждого под потолком шёлковый абажур: у кого голубой, у кого оранжевый, у кого нежно-розовый (это самые оголтелые мещане под нежно-розовым абажуром сидели). А что теперь? Выйди да посмотри: редко в каком окне цветной абажур заметишь – кругом всё люстры. Такой прогресс культуры за каких-нибудь пять-шесть лет, что удивительно даже!

В общем, мещанин редкой фигурой стал. А это немаловажный факт. Ещё Мигуэль де Сервантес де Сааведра сказал: «Излишество даже в самых лучших вещах приводит к тому, что они теряют цену, между тем как плохое, когда его мало, начинает цениться». Таким образом, и мещанина надо ценить, а не то что обзывать его всякими некультурными кличками.

Впрочем, некоторые мещане небось своевременно поразножились, что шёлковые абажуры – это признак мещанства, да и повыбрасывали их на помойку, а на освободившееся место повешали модных люстр. Чтоб, как говорится, не вякали. Ведь он, мещанин, – существо тонкое, деликатное и не любит, когда его всячески обзывают.

«А кто же любит? – позвольте спросить. – Вы, что ли, читатель, любите?»

Хороший мещанин – не какой-нибудь гаврик. Это уже доказано. Он – существо дисциплинированное, послушное. Ему сказано было в своё время, что герань – мещанство... Раз! И где она, эта ваша герань? Теперь хоть сто городов вдоль и поперёк исходи, ни в одном окне не увидишь герани. А что раньше творилось? Ого!

А фарфоровые слоники на комод? Сказали – мещанство, и всех слоников как корова языком слизнула. У кого их теперь найдёшь? Скорее живого слона увидишь. И канарейка, как говорится, «попела». Где теперь канарейка? Простой чижик и то в диковинку!

Короче говоря, в этой области – только команду дай. Было дело – дали команду насчёт тюлевых занавесок. Фють – и как корова языком. Всюду плюшевых штор повешали. Потом пошла команда насчёт плюшевых штор. Фють – и опять как корова: нет этих рассадников пыли! Потом фють – и уже обедаем без скатертей. Скоро фють – и будем спать без простынь. Как корова. Потому как – мещанство!

Словом, нет никого старательнее, никого исполнительнее, никого усерднее, чем самый простой, рядовой, ничем не выдающийся обыватель, сиречь мещанин. Его ко всему приучить можно и от всего отучить. Можно его напугать голубым цветом, и он будет его отовсюду гнать, можно заставить его истребить такой красивый, радующий глаз (и полезный притом) цветок, как герань, и разводить вместо него на окнах уродливые, нелепые кактусы. Нельзя отучить его только спать по ночам на подушке. Но это уже пустяк, не стоящий внимания.

Говорят: мещанин глуп. Дескать, думать не любит. Любит чужим умом жить.

Да уж коли глуп, то зачем думать? Только хуже наделаешь. Значит, умнее – чужим умом. Однако ж если он это понимает, то не такой уж дурак, выходит!

Дурак тот, кто хочет всё вокруг по своему дурацкому образцу устроить. Если же у человека есть жилка самокритичности, то ему уже не откажешь в уме. Мещанин хорошо понимает, что он не семи пядей во лбу. Поэтому и не пытается жить по своему разумению, а тщится, чтоб у него всё было в аккурат, как у других людей.

А у людей как?

У людей всё по моде.

С модой же тоже непросто. Потому что мода теперь на всё: не только на штаны или дамские часики, а и на рюкзаки, унитазы, на кухонную утварь, даже на мебель. А что может хуже новомодной мебели быть! Во-первых, не знаешь, что делать со старой, вышедшей из моды. А во-вторых, она ведь хуже немодной, потому что поди-ка выдумай что-нибудь лучше старого, испытанного, немодного стула с удобной спинкой.

И думаете, мещанин этого не понимает? Понимает, гадюка! Но терпит.

Недавно я был у одного знакомого мещанина. Он очень хороший человек, чуткий, на редкость внимательный. Он не архитектор, но живёт в доме архитекторов (не в Доме архитектора с большой буквы, а, как бы это сказать, в доме, который архитекторы построили для себя).

– Да у тебя всё по моде, – сказал я, заметив, что он сменил обстановку в квартире.

– Чёрт бы побрал эту моду и всех, кто её выдумал! – сердито проворчал он. – Я скоро, кажется, околею от всего этого.

– Что так? – удивился я.

– Никак не могу привыкнуть, – объяснил он. – Вот стол, например. Треугольный зачем-то! Да это чёрт с ним. Но почему такой низенький? К нему только подсядешь, сразу в висках начинает стучать. Или – кресло. На нём ведь вроде как на полу сидишь. Пять минут посидел – и готов: под рёбрами начинает колоть. С него и подняться в двадцать раз трудней, чем с простого человеческого кресла. И это при моей-то подагре в обеих ногах! А спать как? Кровать теперь стала – мешанство! И диван-кровать теперь тоже – мешанство. Теперь тахта – не мешанство. А что такое тахта? Вот, пожалуйста: на полу просто ящик без ножек, на нём пластиковый матрац из трёх секций – и всё. Лёг спать, через полчаса просыпаешься и начинаешь подушку на полу искать. Спинки-то нет, подушку опереть не на что, вот она и выскальзывает из-под головы. За ночь намаешься, наутро, не проспавшись, на работу идёшь. Тяжело! Да и негигиенично. Раньше кровати с ножками делали, чтоб клопам и другой какой нечисти несподручно было взбираться. Оно, конечно, теперь клопов не должно быть, потому как, известное дело, клопы – мешанство, но сами-то клопы пока об этом не знают. Правда, у нас никакой такой живности нет, а вчера просыпаюсь, смотрю – таракан по спине ходит. Не знаю, откуда и забежал. Теперь мне на этой тахте и спать-то боязно. Может быть, ножки приделать?

– Да ты бы оставил кровать, – говорю.

– Так нельзя ж ведь – мешанство! Вот какой человек мешанин. Он всё стерпит, лишь бы не попрекали мешанством. А тут как ни вертись, попрекать будут. Не поспешил выбросить допотопный комод – мешанин! Поспешил купить модный сервант – опять мешанин (за модой гонишься).

А кто же за модой не гонится, позвольте спросить? Разве лишь тот, у кого денег нет. А заведись у него денежки, он сейчас же своё мешанское нутро и покажет. Выглянет, как принято говорить, мурло мешанина. Уж разве он одержимый какой-нибудь. Хобби какое-нибудь у него. Может быть, он старые футбольные мячи собирает. Или на свои личные сбережения решил африканскую обезьяну для научно-исследовательского института купить. Да таких много ли? В том-то и дело, что считанные единицы. А в остальном все люди как люди. Ничто человеческое им не чуждо.

Тут читатель, пожалуй, посчитает себя вправе обидеться. Этак, скажет, и я – мешанин! А что тут плохого, спросим его. Мешанин – не хам, не грубиян, не хулиган, не взломщик, наконец! К тому же кого не называли у нас мешанином? Например, Зоценко. Это он-то, который над мешанами столько смеялся (действительно, ирония судьбы). Или Ильф и Петров. Эти не просто были мешане, а взбесившиеся. Так что ничего в этом особенного нет. Дело житейское.

И потом, что это за мода пошла людей, как какие-нибудь селёдки, по сортам делить?! Этот-де – мешанин, этот – не мешанин. Любит во сне храпеть – мешанин, не любит храпеть – не мешанин. Любит хорошо покушать – мешанин, не любит покушать – нормальный человек. Иной, может быть, и любил бы покушать, да у него желудок больной, а дай ты ему желудок покрепче, он себя ещё как покажет! Да и какую тут можно демаркационную линию провести? Какой предел установить? Съел фунт краковской колбасы – хороший человек, а скушал фунт с четвертью – мешанином стал? Так, что ли? Или кушал без особого удовольствия – не мешанин, а поел с аппетитом – опять в мешанское сословие угодил? С такими критериями и запутаться можно, потому что, бывает, и зернистая икра в рот почему-то не лезет, а иной раз под настроение краюху простого хлеба с удовольствием навернёшь.

Да притом как же так, чтоб совсем без удовольствия есть! Кто может о себе сказать, что он без греха в этом деле? А раз так, то и делить нечего. Как сказал поэт: «Все мы немножко лошади». Вот как! Все – лошади! Все – мешане (конечно, в той или иной мере). Что там и говорить! Тем более что мешанство проявляется не только в грубой материальной сфере, но и в сфере, так сказать, идеальной, нравственной.

Какой основной девиз мешанина в нравственной сфере? Их (то есть этих девизов) несколько, а точнее, десять (как заповедей):

- № 1. Моя хата с краю, я ничего не знаю.
- № 2. Своя рубашка ближе к телу.
- № 3. Я – не я, и лошадь не моя.
- № 4. Держи язык за зубами.
- № 5. Не суйся поперёд батьки в пекло.
- № 6. Что, нам больше всех надо?
- № 7. Держи нос по ветру.
- № 8. Рыба ищет, где глубже, а мещанин – где жирней.
- № 9. После нас хоть потоп.
- № 10. С деньгами и без ума проживём.

Может, думаете, так просто эти заповеди соблюдать? Как бы не так! Возьмём любую, хотя бы № 4, насчёт недержания языка. Пушкин уж до чего умный был, а не умел удержать язык. Не умел, да и всё тут! И Лермонтов не умел! И Радищев, и Герцен, и Николай Гаврилович Чернышевский... Что, им больше всех надо было? Нет ведь! Они люди вполне скромные были, а вот лезли поперёд батьки в пекло... Скажем прямо – плохие мещане были, совсем как есть никудышные!

Да и то сказать, трудно небось найти мещанина, который бы дотошно все эти мещанские заповеди соблюдать мог. Чтоб на все сто, как принято говорить, процентов. Нет-нет да на какой-нибудь и сорвётся. Хотя, правду сказать, и такого едва ли найдёшь, который ни одной заповеди не соблюдал бы. Хоть за какую-нибудь да держится. Будь он даже работник культурного фронта или служитель муз. Разве какой-нибудь художник, деятель, так сказать, изобразительного искусства, у которого, как сказано, нос по ветру да ещё хвост трубой, он, что ли, не лошадь, то бишь – тьфу! – он, что ли, не мещанин? Ему, что ли, своя рубашка не ближе к телу? Он, что ли, лезет, где глубже?.. Или, к примеру, работник критического цеха, наложивший печать молчания на свои уста, у которого всё честь по чести: и язык на привязи, и рот на замке. Тоже не лошадь, скажете? Во всяком случае, от него не больше добьёшься слов, чем от лошади. Правда, иной подобного рода апостол молчания молчит, молчит, да вдруг так разразится, что и не поймёшь сразу, откуда гром: из тучи или... из этой самой... Или, например, наш брат писатель, труженик пера, так сказать, который... впрочем, молчание! Зачем на своих кидаться? Нам тоже не больше всех надо. Слово, как сказал древний философ, – серебро, а молчание – золото.

Мы тоже не против золота, потому скажем только, чтоб завершить мысль, что такой работник культуры, будь он художник, критик или наш брат писатель, он и есть вполне достойный своего сословного звания, вполне идейный (если вам так больше нравится) мещанин, хоть он и не сидит уже с фикусом под цветным абажуром и давно завёл себе модный сервант. По сравнению с ним какая-нибудь старушка пенсионерка, которая и не помышляет о том, чтоб избавиться от своего абажура (денег-то и на еду в обрез), – она просто ноль без палочки, отрицательная величина, её и мещанкой-то как назовёшь! Правда, вид её окошка, освещённого изнутри оранжевым абажуром, вносит диссонанс в общую картину, нарушает, как бы это сказать, гармонию и возбуждает в нас какую-то непонятную злость: дескать, вот оно, мещанство-то, где сидит!

Но не будем спешить так уж слишком. Остановимся на минутку, заглянем в окно. И увидим человека, хотя и доживающего свой век, но не злого, который не пожалеет своего времени, чтоб посидеть с малышом заболевшей соседки, сбегать за молоком для него, помочь ребятишкам, вернувшимся из школы, решить задачку или посадить деревце во дворе под окном без особенной надежды услышать в будущем, как оно зашумит листвою.

По аналогии с этой старушкой вспоминается деревенская бабка, несущая с рынка глиняного расписного кота, на которого так ярятся наши фельетонисты. Её трогательная любовь к этому яркому зверю, право же, достойна если не сочувствия, то хотя бы внимания. Уже и

тем знаменателен этот факт, что на сей раз тащит она не ведро эмалированное, не графин, не сервант, не кило мармеладу, а предмет, так сказать, для глаза, который не засолишь в кадлушке, не съешь с горчицей, не запрядешь в скрыню. Сам этот факт свидетельствует, что питает она пристрастие к этому коту не по злому умыслу, не из какой-то там фанаберии или ненависти к настоящей культуре, к подлинным произведениям высокого искусства, а по какому-то внутреннему побуждению (может, совсем невредному), но истоки которого ещё полностью никем не изучены, в которых мы ещё не разобрались до конца.

А разобратся бы надо было, так как одними ругательствами да проклятиями тут не поможешь. Взял бы кто-нибудь из фельетонистов да поговорил по душам с этой бабкой: как, мол, бабусенька, что здесь к чему у тебя с этим котом?.. Впрочем, оставим в покое фельетонистов. Им и без нас трудненько живётся.

Помимо материальных признаков мещанства, каковы, например, абажуры, серванты, торшеры, подушки (вот где подлинная эмблема мещанства), кисейные занавески, кактусы, книги с красивыми корешками, существуют, оказывается, ещё признаки, охватывающие так называемую вторую сигнальную систему, то есть область человеческого языка. Недавно в одной из журнальных статей случилось прочесть мне, что слово «извиняюсь» – мещанское, дескать, слово. Почему оно мещанское – я так и не уразумел. Этим словом и Горький пользовался. Или, может быть, он «не допёр», что оно мещанское. С каждым может случиться оплошка. А тут изволь теперь разбери, какое слово мещанское, какое – нет.

Да и что криминального, если слово мещанское? Слово «извиняюсь» – вполне красивое слово (не в пример другим некоторым), а мещанин, как цветок к солнцу, тянется ко всему красивому. Мещанин и говорить любит красиво, как небезызвестный Аркадий Кирсанов, которого ещё Базаров, если помните, снисходительно поучал: «Друг Аркадий, не говори красиво» (И. Тургенев. Отцы и дети. Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 326). А как же ему, бедному мещанину, обходиться без красоты, если ему со всех сторон только и твердят что о красоте, да о прекрасном, да об эстетике в быту, если чуть ли не в каждой газете его глаз то и дело натывается на такие примерно статьи: «Искусство красиво одеваться», «Умение подобрать к лицу шляпу», «Интерьер. В чём его красота и изящество», «Как красиво обставить квартиру», «Умеете ли вы красиво сидеть?» и т. д. и т. п.

Бедный мещанин набрасывается на всю эту духовную пищу, как цинготный больной на свежие овощи, и с ужасом убеждается, что люстра, которую он недавно завёл, уже выходит из моды, и её место начинают занимать какие-то (чёрт бы их драл!) переносные светильники; что высокий шкаф очень подходит к комнате с трёхметровыми потолками и не следует спешить заменять его низеньким шкафом (а он как раз поспешил и теперь готов рвать на себе волосы от досады).

А что делается с бедными женщинами, когда они узнают, что начёс (который усиленно рекомендовался в последние годы) делать не следует, так как от него выпадают волосы и женщины становятся лысыми?

Не читать всех этих статей мещанин, конечно, не может, так как он существо любознательное и обязательно хочет знать, какие галстуки будут модными в наступающем сезоне, как подобрать красивую шляпу, может ли женатый мужчина полюбить замужнюю женщину и современно ли это, и пр.

Думается, что неверно думать, будто мещанина можно распознать по каким-то употребляемым им словам, или по жилетке, в которой он якобы любит ходить после обеда по комнате, или по какому-то присущему ему запаху. Его можно заставить (в особенности с помощью прессы и телевидения) употреблять совсем другие слова, ходить после обеда не в жилетке, а, скажем, в пижаме и переменить запах. Он ко всему этому приспособится с похвальной гибкостью, как приспосабливается гриппозный вирус к антибиотикам, не теряя при этом своей зловредности. Заметив это, мы начинаем долбить его за другие слова, за пижаму или халат,

уже не за тот запах, который был, а за новый, и даже за самую похвальную его гибкость. Он же, бедняга, чувствует, что его не за то бьют, и только кряхтит и сердится.

Правда, есть парочка слов, к которым мещанин всё же равнодушен. Он ужасно любит слово «современный» и не любит слово «модный». Он никогда не скажет вам «модный шкаф», «модный диван», а обязательно «современный шкаф», «современный диван», «современная полочка для книг» и т. д. Этим он хочет показать, что он человек современный, передовой, идейный, идущий «в лапу» с эпохой, а не какой-нибудь отсталый обыватель, помышляющий лишь о какой-то там моде. Впрочем, можно через газету внушить ему, что слово «современный» теперь стало несовременным, и порекомендовать заменить его ну хотя бы словом «модерный». Думается, что он и на это охотно пойдёт.

Принято думать, что мещанин любит вещи ради самих вещей, но это неверно. Не вещи он любит и даже не деньги. На самом деле он только не любит казаться бедным, не любит, чтоб думали, что у него нет денег. Быть бедным, не иметь денег – это кажется ему унижительным и даже позорным. Ему нестерпима мысль, что кто-нибудь может подумать, будто он необоротистый малый, будто он шляпа, тюфяк, будто не сумел извернуться и пропустил, что плыло в руки. А поди не подумай этого, если он не успел завести себе модный шифоньер, козетку или трельяж!

В этом своём недостатке мещанин несколько не виноват, поскольку это у него наследственное, перешедшее в плоть и кровь вместе с генами и хромосомами от прежних старорежимных времён, когда обладание богатством уважалось больше всякого рода добродетелей и талантов. Тут-то и зарыта собака. В этом и заключается социальная суть мещанства.

Каждый может без особенного труда проверить, как у него самого обстоит с этими генами. Когда к вам в гости придёт мещанин и, увидев у вас высокий платяной шкаф, скажет, что он несовременный, так как теперь современны низенькие шкафы, напоминающие отполированные четырёхугольные ящики, вы должны стойко выдержать его взгляд и спокойно объяснить, что высокий шкаф лучше, так как, занимая столько же места на полу, даёт возможность не только повесить одежду, но и напихать чего-нибудь сверху и снизу, и к тому же ещё и на шкаф чего-нибудь наложить (снизу-то всё равно не заметно), в то время как низенький шкаф очень непоместителен. Он-то (ваш гость), будьте уверены, подумает, что вы хитрите, или просто осёл, или отпетый мещанин, который держится за старьё, или, ещё того хуже, заподозрит, что у вас нет денег. Если вы сумеете стойко выдержать его взгляд, то с генами у вас всё в порядке. Если же вы почувствуете себя хоть чуточку ущемлённым, хоть чуточку задетым подобными подозрениями, если вам хоть на секунду покажется неприятной мысль, что кто-нибудь может подумать, что вы парень необоротистый, что у вас нехватка с деньгами, то, дело ясное, с генами неблагополучно и мещанин хоть каким-то, пусть самым малюсеньким кусочком ещё сидит внутри вас.

Нечего и говорить, что испытание это чертовски трудное. Вроде барокамеры. Я лично не знаю никого, кто бы с честью выдержал его до конца. Что касается меня, то я к этому попросту неспособен. Физические данные не те.

Из всего сказанного можно сделать краткие выводы, которые сводятся всего к трём пунктам:

1. Все мы лошади (немножко, конечно).
2. Нечего тыкать по сторонам пальцами, потому что мещанин эвон где: внутри нас сидит.
3. Поскольку так, то давайте наберёмся терпения и займёмся самовоспитанием: будем по каплям выжимать мещанина из себя. Каждый из самого себя.

В этом и состоит основной принцип нравственного совершенствования.

О детских игрушках, глупых шуточках, удобствах для взрослых и пр.

Взрослые – чудаки! Они думают: какой глупый ребёнок! Ему купили дорогостоящую заводную автомашинку, она и ездит сама, и рулит, и трещит, как настоящая, даже бибикать может, а он возит её собственноручно по полу, протирая коленки, сам трещит, сам рулит, сам бибикает за неё.

На самом деле недостаточно умны взрослые. Им невдомёк, что ребёнку трёх-четырёх лет неинтересно сидеть на месте и глядеть, как что-то там движется. Ему самому хочется двигаться, действовать, делать, творить. Он не дошёл ещё до того состояния, когда высшим счастьем почитается сидеть сложа руки и зевая по сторонам. Правда, постепенно его можно к этому приучить. Как говорится, при усердии и зайца можно научить зажигать спички. Но это уже будет насилие над его природой.

Понаблюдайте, как самозабвенно малыш возит по комнате свой самый простой, заводной грузовичок (иной раз за грузовик сойдёт обыкновенная деревянная чурка), как он фырчит и дудит, подражая шуму машины. Воображение его кипит и бьёт через край. Он всерьёз представляет себя всамделишным шофёром и даже самой машиной. И ничего уж тут не поделаешь – в этом возрасте он романтик больше, чем в каком-либо другом. Интерес к заводным игрушкам появится у ребёнка позже. Но и тогда он не в силах будет часами глазеть, как ездит заводная машинка. После первого чувства удивления проявит себя природная любознательность. Малышу захочется узнать, отчего машина ездит, что её заставляет двигаться, и он примется игрушку ломать. И нечего приходить в ужас. Нечего кричать: «Не бережёт! Не жалеет! Не надо покупать ему игрушки! Всё равно на один день» и т. д. Оттого, что ребёнок разберёт игрушку да увидит, что там внутри, получится в двадцать раз больше пользы, чем если он до самой старости будет бездумно глядеть на неё. И дело здесь не только в том, что, ломая игрушку, ребёнок постигает нехитрую механику, заставляющую её двигаться, но и в том, что при этом удовлетворяется, упражняется его познавательный инстинкт, его творческий, исследовательский порыв, что небезразлично уже для формирования самого характера будущего человека, самого склада его ума.

Или вот – во дворе сценка. Двор, в общем, довольно культурный, благоустроенный. Тут за карликовыми заборчиками – клумбы с цветочками и зелёные насаждения, для детишек – ящик с песочком, лавочки для мамаш и бабушек, стол для козлистов. Вокруг ребятишки, в основном детсадовского возраста. Всё тихо, мирно, благородно... Вдруг крик:

– Ты куда, дрянь, полезла? Задушу я тебя, паскуда этакая! Сколько раз тебе говорилось, не лезь в грязь с ногами. Вылезай сейчас же, холеры на тебя нет!

Это орёт бабка, сидящая на лавочке, на свою внучку. Можно подумать, что девочка натворила невесть чего, а у неё и вины-то всего, что забрела в лужицу, оставшуюся после дождя.

Смотрю на бабку – в узеньком старомодном чёрном пальто и чёрном платочке с цветочками. На вид ничего страшного. Душить ребёнка, в общем, не собирается. И лицо вовсе не злое, только глаза какие-то пустоватые, отсутствующие. Покричав, словно для формы, и убедившись, что девочка пошла играть в песочек, бабка как ни в чём не бывало продолжает прерванный разговор с соседкой по лавочке. Вдруг снова истошный крик:

– Ну что ты сделала со штанишками, паршивка этакая! Задушу я тебя, тварь поганую! Только штанишки надели новые, чтоб ты пропала! Не настаиваешься на тебя! Сколько раз тебе говорилось, не становись на коленки, сиди на корточках!

И всё это так привычно, обыденно, что как-то даже не по себе становится. С одной стороны, в бабкино положение войти можно. Бабка есть бабка. У неё одна задача: чтоб ребёнок

вернулся со двора чистеньким; чтоб, не дай бог, не пришлось стирать снова штанишки; чтоб не заругал дома сын за то, что плохо следит за внучкой; чтоб не сказали соседи, что ребёнок замарашкой ходит. Но, с другой стороны, ребёнку поиграть хочется, ощутить в своих руках и снежок, и песочек, и травку, и воду, и камешки. Да и трудно ему – всё на корточках! Пошла бы бабка сама да посидела часок на корточках, так неделю небось потом спины бы не разогнула.

И чего только не придумывают взрослые для своего удобства, а ребёнок ради них, значит, сиди на корточках! Да оденьте вы его лучше во что-нибудь старенькое, но дайте побегать, попрыгать, покопаться в песочке, покувыркаться в зелёной травке, поваляться в снегу, сделать запруды в луже, да мало ли чего! Ведь ребёнок формируется в игре. Пока пройдёт детство, он должен успеть развить все свои мускулы, а не одни только корточки. К тому же что выйдет, если он начнёт думать лишь о том, как бы не упасть, да не замараться, да пройти по жизни как-нибудь этак, чтоб не прилипла к штанам пушинка или соломинка? Что за характер, что за натура, что за мировоззрение сформируются при этом? Здесь и думать, казалось бы, не о чем, да куды там! До мировоззрения ли тут, когда штаны разодрать можно. К сожалению, многие взрослые ведут себя так, будто уверены, что для ребёнка самое главное – это научиться беречь, сберегать, хранить, экономить, копить; мировоззрение же он успеет приобрести, когда в вузе начнёт диамат проходить.

Не следует, конечно, думать, что детей надо замарашками водить. Костюмчик может быть и не первой свежести, но стираный; когда же малыш отправляется в гости или в театр, можно и во всё новенькое нарядить. Вот тут пусть он приучается бережно относиться к вещам. Но не нужно всё же делать из штанов культ. Не нужно приходить в неистовство, если дитя как-нибудь ненароком испачкало или разорвало платье. Честное слово, себе дороже. А то ведь послушать эту дворовую бабку, так просто мороз по коже! Девочке от роду и двух лет нет, а тут и «тварь», и «дрянь», и «паскуда», и «задушу», и «паршивка», и «холеры на тебя нет». Разбойников не косят такими словами в милиции, какие приходится выслушивать этой бедной девчужке. Уж до такой степени неэстетично всё это, что и сказать нельзя!

Никто, конечно, не утверждает, что подобные бабки толпами по дворам ходят, но они есть, как есть, впрочем, вполне культурные (казалось бы) люди, которым плевать на паркет воспитание не позволяет, а вот наплевать в душу ребёнку – это они могут, не сморгнув глазом.

Кстати, о паркете. Существуют родители, для которых враг номер один – это не что иное, как пластилин. Одни мои знакомые муж и жена, у которых трёхлетний сынишка, больше всего на свете боятся именно пластилина. При мне пришёл дедушка и подарил ребёнку коробку с пластилином. Радости было! Чего только не лепили в тот вечер! Но когда дед ушёл, а ребёнок лёг спать, просвещённые родители собрали весь пластилин и вместе с коробкой выбросили в мусоропровод.

– Мы уже знаем, что это за штука! – ворчливо сказал муж. – Эта гадость так и липнет к паркету. Чуть недоглядел – пятно на полу.

– Нет, нет! – подхватила жена. – Что угодно, только не пластилин! Это ему всё дед приносит. Будто ничего другого на свете нет. Мало ли чем можно забавляться ребёнку!

Мало, сказал бы я. Ох как мало! Да, пожалуй, лучше и нет ничего, так как ничто не развивает в такой степени зрительную память и наблюдательность, как лепка из пластилина, глины, замазки или какого-нибудь другого пластического вещества. Я лично убедился в этом, после того как мне пришлось забавлять ребятишек, лепя по их просьбе всех этих козликов, зайчиков, лошадок и прочее столь любезное детскому сердцу зверьё. Каждый раз я мучительно напрягал память, пытаюсь вызвать в голове образ нужного зверя, стараясь как можно явственнее представить его себе, причём обнаружил, что до этого как-то не обращал внимания не то что на какие-нибудь отдельные детали предметов, но даже и на их общий вид. После двух, однако ж, или трёх занятий с детишками я заметил, что мне как-то свободнее стали являться нужные образы. Уже и не глядя на живую лошадь, я мог отметить в сознании, что морда у неё

хоть и длинная, но скуластая, что надбровные дуги у обезьяны совсем не такие, как у собаки, а у кошки фактически и носа-то почти нет. Я обнаружил вдруг, что на улице и вообще в жизни стал невольно подмечать то, мимо чего проходил раньше, не обращая внимания.

Нет сомнения, что и у ребёнка, лепящего свои немудрящие фигурки из пластилина, неосознанно протекает тот же процесс, подспудно приучая его к более ярким, живым представлениям о действительности, к пытливости и наблюдательности, без которых нет ни художника, ни писателя, ни актёра, ни учёного, нет вообще творческой личности, открывающей в мире новое, не подмеченное до него никем.

Стоит сказать, что лепка – более доступный для малыша процесс, нежели рисование, которое требует известных навыков, хотя бы умения держать карандаш в руке или разводить краски, не говоря уже о том, что рисунок по сравнению с объёмной фигуркой – вещь более условная и, следовательно, менее понятная. Для ребёнка проще, естественней, органичней отражать, изображать мир в формах самого мира, то есть в трёх измерениях, поскольку и сам мир трёхмерен, к тому же здесь получаются фигурки, которые тут же могут быть включены в игру, а это немаловажный фактор, стимулирующий пусть самую примитивную, но всё же творческую деятельность малыша.

И ещё одно обстоятельство. Когда ребёнок лепит или рисует (пусть это будет самое первичное, беспредметное размазывание по бумажному листу краски), мышцы рук его укрепляются, пальцы приобретают способность к более точным движениям, начинают лучше повиноваться мозгу, а это ох как понадобится малышу, когда он начнёт учиться писать. Ведь рука человеческая самой природой не приспособлена для таких тонких движений, какие требуются при письме, и поэтому полезно исподволь потренировать её.

Словом, и без слов ясно, что отнимать у малыша пластилин не нужно, и замазку – не нужно, и глину, и красочки, даже в том случае, если он может испачкать пол или замарать ручки. А к взрослым, которые это делают, стоило бы применять какие-нибудь крутые меры (в частности, можно пороть ремнём), так как своим необузданным поведением они могут нанести вред ребёнку и загубить заложенный в нём талант, а этого прощать уж никак нельзя. Величайшим заблуждением человеческого ума является мнение, что воспитывать надо только детей. Нет, воспитывать надо и взрослых. Точнее, оба эти процесса должны идти бок о бок. Впрочем, многие взрослые уже до того закоснели в своих привычках, что некоторым, видать, и ремнём не поможешь. Усвоив, что нельзя отнимать у детей пластилин или краски, они начнут отбирать у них дудочки, свистульки, игрушечные флейты, гармошечки и столь распространённые в детской среде ксилофоны, именуемые в просторечии цимбалами.

Недавно я был свидетелем разговора между молодыми родителем и родительницей в игрушечном магазине. Родительница предложила купить сынишке игрушечную флейту. Флейта была яркая, нарядная и сверкала со всех сторон, как новогодняя ёлка. На ней было восемь клапанов, охватывающих полную гамму. Продавщица очень ловко исполняла на этом музыкальном инструменте несложные мелодии, вроде «Ах, Самара-городок» и даже «Сердце красавицы склонно к измене».

– Ну что он понимает! – возразил против покупки родитель. – Рано ему. Разве он сможет? К тому же проснётся раньше всех утром и начнёт тебе на флейте дудеть.

Если бы я не побоялся оказаться навязчивым, то всё же посоветовал бы молодым родителям купить сыну флейту. Пусть он не научится исполнять на ней «Самару-городок», этого в его возрасте и ожидать нечего, но пусть он дудит в своё удовольствие, нажимая на клапаны пальцами. При всём его неумении флейта будет всё же издавать чистые музыкальные звуки, а его ухо будет понемногу привыкать к ним. Постепенно он научится выделять из хаоса звуков, из тысяч и миллионов неорганизованных шумов музыкальные звуки, которые отличаются совершенно определённым числом колебаний и математически точным отношением друг к другу. Многие люди, не научившись в детстве выделять и воспроизводить, хотя бы собствен-

ным голосом, музыкальные звуки, остаются на всю жизнь с неразвитым музыкальным слухом и даже воображают, что лишены его от природы, мучительно переживая свою неполноценность. И притом даже не подозревают, что виновата в данном случае не природа (на неё всегда легче валить), а их собственные родители, которые не подсунули им вовремя игрушечную флейту или хотя бы цимбалы, не пели им в детстве песенок и не учили их самих петь, хотя бы вполголоса. Эх, да что тут и говорить! Мало ли на свете ещё родителей, которые только и ждут, когда их сын подрастёт, чтоб засадить его учиться на пианино. Но если вдруг денег у них на пианино не хватит, то не купят ему и простой балалайки. Зачем! Это же не модно, да и Ван Клиберном с балалайкой не станешь. А им обязательно надо, чтобы Ван Клиберном.

В общем, никогда не знаешь, что придёт в голову взрослому. Да навряд ли это и ему самому известно. Недавно еду в метро. В вагоне мамаша пристроила сынишку возле окна, сама села с противоположной стороны на свободное место. Ребёнок загляделся в окно, потом обернулся – не видит матери.

– А где моя мама? – спрашивает испуганно.

– Эка хватился! Твоя мама сошла на предыдущей станции, – говорит сидящая рядом тётка.

Раздаётся душераздирающий вопль. Ребёнок, что называется, заходится и падает на спину. Подоспевшая мать долго не может утешить своё дитя.

– Зачем же вы так? – укоризненно спрашиваю тётку.

– А я что? Я пошутила просто.

Сколько нервных и психических заболеваний, отравляющих иной раз человеку всю жизнь, является результатом перенесённого в детстве испуга, об этом знают лишь одни психоневрологи. А надо бы, чтоб знала каждая вот такая глупая тётка. Впрочем, происшествие это, надо полагать, нетипично. Если применить к этой тётке меры покруче (ремнём бы), то шутить столь ехидно в другой раз она, возможно, не станет. Но откуда всё же у нас это желание пошутить, посмеяться над малым, откуда такое несочувствие его горю, его волнению? Вот ведь плачет ребёнок, ему не менее тяжело, чем нам, в минуту душевной невзгоды, а мы как-то равнодушно смотрим на его слёзы и частенько считаем их просто дурью или капризами.

Вот, например, картиночка в зоопарке. На площадке, где катают детишек на пони, все пассажиры с радостным оживлением усаживаются в тележки, но одна маленькая девочка плачет. Может быть, она боится этого пони, которого видит впервые в жизни и у которого такая нелепая, нечеловеческая голова и длинное, покрытое тёмными волосьями тело? А может быть, она просто боится свалиться с тележки? Может быть, боится разлучиться с родителями? Всё это не ясно. Но ясно одно – ей страшно. Растерянные родители не знают, как поступить: то сунут девочку в тележку, то вытащат обратно. Контролёрша, отбирающая у детишек билеты, начинает терять терпение. Девчонка задерживает весь кортеж, состоящий из нескольких пони и одного осла. Уже подходит главный распорядитель, этакий солидный грузноватый дядя:

– Ну, что тут ещё?

– Да вот девочка плачет.

– Ну и поплачет, что тут такого. Сажайте.

– Но зачем же сажать, если ей это никакого удовольствия не доставит? – вмешиваюсь в разговор я. – Девочка может ещё больше испугаться, когда поедет. Ночью дома проснётся и будет плакать.

Родители, почувствовав с моей стороны поддержку, снова пытаются вытащить из тележки ребёнка.

– Ну, тогда пропал гривенник. Касса уже закрыта, – говорит дядя.

Родители снова начинают терзаться сомнениями, но под моим нажимом решают пожертвовать гривенником, и я чувствую моральное удовлетворение, сознавая, что совершил доброе дело.

Такие добрые дела здесь можно творить десятками, стоит только прийти пораньше и не пожалеть нервов для уговаривания родителей. Здесь часто кто-нибудь из малюток поддается эмоции страха. Один такой пассажир едет, расширив глазёнки и потеряв от испуга дар речи, зато другой ревёт громогласно, во всеуслышание, отравляя удовольствие от поездки своим спутникам. Несмотря ни на что их всё-таки возят – деньги-то плачены.

Хотелось бы знать, почему вполне взрослые, приставленные к работе с детьми сотрудники зоопарка, изо дня в день сталкивающиеся с подобной реакцией малышкой, так равнодушно взирают на это? Они могли бы советовать родителям не подвергать, особенно малолетних и впечатлительных, ребятишек этому испытанию.

Впрочем, мало ли чего хотелось бы. Хотелось бы, например, узнать, кто это придумал устроить для детей телевизионную передачу «Спокойной ночи, малыши»? Да помилосердствуйте, добрые тётки! Какая уж там спокойная ночь, если на сон грядущий телевизор смотреть! Один мой знакомый малыш приходит в страшное возбуждение, как только услышит уже ставшую привычной музыку, предваряющую эту передачу.

– Детская передача! – вопит он не своим голосом. – Папа, мама, детская передача! Бабушка, детская передача! Тётя Лиза, детская передача!

Если кто-нибудь медлит и не бросается со всех ног к телевизору, он хватается за руку и тащит. Когда же начинается передача, он сидит, широко раскрыв глаза и впиваясь всем своим крошечным существом в экран, всё принимая всерьёз, как взаправдашнее, стараясь не пропустить ни одного словечка, ни одного движения. Когда же заветная передача кончается, он, не обращая внимания на дикторшу, на её пожелание зрителям спокойной ночи, на её совет ложиться в постельку, затевает игру, в которой старается повторить всё виденное на экране.

– Давай, кутто (кутто – на его языке значит как будто), давай кутто ты морской царь, – говорит он отцу, – и у тебя кутто такая страшная борода, а я кутто рыбак на лодке; я поплыл в море, а ты кутто мою лодку схватил и тащишь под воду на дно. Ну, давай!

И он не успокоится и не отойдёт ко сну, пока не набегается по комнате и не повторит несколько раз эту игру. А какой уж тут сон, когда перед глазами так и маячат поразившие его воображение картины.

Я не хочу сказать ничего плохого о содержании этих телепередач. Они вполне безобидны на первый взгляд, да ведь смотрят их пятилетние дети, и даже четырёхлетние, и трёхлетние, даже двухлетние. А в этом возрасте малыши – страшно серьёзный народ, для которого приключения заблудившегося в лесу полевого мышонка – истинная трагедия, потому что иных трагедий он пока и не знает вовсе. Нет, никаким ребятишкам я бы не советовал на ночь эти передачи смотреть. Ни с какими педагогическими и врачебными рекомендациями это не соотносимо. Ведь не то что детишкам, даже взрослым не рекомендуется на ночь читать. Так то читать, понимаете ли, чи-та-ать! Чтение всё же не так будоражит воображение. А тут изволь на ночь глядя телевизор смотреть.

Короче говоря, есть предложение. Ничего не меняя в этих передачах, называть их не «Спокойной ночи, малыши», а «Добрый вечер, малыши» и показывать их хотя бы часа за два, за три до того, как ребятишкам идти в постель. Думается, что сотрудники телевидения последуют этому доброму совету, так как люди они вполне благоразумные, способные внимать голосу рассудка и ни в каких крутых мерах воздействия не нуждающиеся.

А детишки за это только спасибо скажут.

О старых песочницах, волшебных лавках, смелых замыслах и золотом осле

«Всё лучшее – детям!» Какой замечательный лозунг, не правда ли? Разве найдётся на свете что-нибудь, что мы пожалели бы для наших детей – нашей радости, нашей гордости,

нашего будущего! И без всякой надежды получить от них что-либо взамен, заметьте. Ведь истинная любовь бескорыстна. И она, эта любовь, проявляется всюду. Буквально на каждом шагу. Вот, к примеру сказать, когда мы предпринимаем строительство нового дома, то не бросаем дело, доведя постройку до предусмотренного типовым проектом пятого или десятого этажа, а соорудим ещё сверх того во дворе беседку, чтоб детишки могли поиграть в тени, устроим песочницу с ярко раскрашенной крышей в виде гигантского гриба-мухомора и, конечно же, деревянную горку, с которой так любят ребятишки спускаться на своих собственных штанишках.

В последние годы строительство ведётся у нас чаще всего не отдельными зданиями, а целыми кварталами, районами или микрорайонами. И у каждого дома теперь обязательны и ярко раскрашенная беседка, и гриб-мухомор, и деревянная горка. А некоторые доходят даже до того, что по собственной инициативе устраивают сверх плана ещё крошечные, миниатюрные фанерные домики размером чуть побольше пчелиного улья и до того симпатичные, представьте себе, что некоторые детишки способны просиживать в них чуть ли не по целым дням. Как приятно смотреть на всё это цветистое великолепие! Как радостно ощущать заботу о детях, особенно нам, которые этой заботы не видели!

Конечно, если сказать по правде, то и в этом деле ещё не всё так полностью гладко, как надо бы. Бывают и здесь отдельные шероховатости. Попробуйте заглянуть в какой-нибудь из этих очаровательных уголков через год-полтора – и вашему взору представится менее живописная картина. «Гриб» слинял и поник головой – бедняжка! У беседки проломан бок; двери и окна домиков грубо заколочены крест-накрест досками; в песочницах не песочек, а какая-то серая пыль пополам с бумажками и пожелтевшими окурками; перила у горки обломаны, жёлоб растрескался и почернел, из него угрожающе торчат острые, как шипы, щепки. Ребят нет, и царящая вокруг тишина настраивает на элегический лад. Вам почему-то начинает казаться, будто вы каким-то чудом перенеслись в давние времена. Перед вами уже не современный уголок двора, а извлечённый из-под вековых наносов доисторический город. По уцелевшим остаткам строений вы можете судить, как жили в те далёкие времена люди, как заботились о своей детворе, строили для неё деревянные горки, «грибы» с песочницами. Ваш глаз невольно реконструирует, приводит в первозданное состояние пришедшие в негодность строения. Вы очарованы. И вам уже слышатся весёлые голоса ребят. Вы даже видите их. Вот они бегут к вам. Двое самых маленьких – мальчик и девочка – резво скажут к песочнице и начинают играть с песочком, то бишь с пылью, перемешанной с разного рода дрянью: мальчик постарше попытается скатиться с деревянной горки, но, занозив о растрескавшийся жёлоб руку, с плачем бежит домой... Очарование пропадает. Вы возвращаетесь к суровой действительности и с выражением глубокомыслия на лице идёте, куда вам нужно.

Хотя, собственно говоря, особенно глубоко раздумывать тут, безусловно, нечего. Всё это дело простое, житейское. Когда у вас лопнут брюки, что вы делаете? Берёте брюки и несёте в починку. А когда придёт в негодность деревянная горка, вы берёте горку и несёте. Куда? Горка тяжёлая! Никуда вы её не несёте, а поступаете более хитро: избираете родительский комитет. Родительский комитет будет ходить с молоточком, и как только что-нибудь прохудится, тут же и заколотит... и песочку свежего принесёт.

Впрочем, родительский комитет можно и не избирать. Дети в крайнем случае проживут без горки и без песочка. Потому что детям в первую очередь нужны не горка и не песочек, а игрушки. Вот без игрушек им действительно никак нельзя. Это они вам и сами скажут. Многие из них согласятся не есть вовсе супу, но чтоб были игрушки. Некоторые согласятся даже весь век не есть манной каши, но с условием, чтоб им дарили игрушки. Хоть иногда. Хоть изредка! А что для этого надо? Чтоб повсюду были игрушечные магазины. Так ведь? У нас же они пока ещё далеко не повсюду. Кое-где только. Да и то...

Вот был, к примеру сказать, в Москве на Арбате игрушечный магазин, недалеко от ресторана «Прага», небольшой такой, уютненький, с низенькими потолочками. Войдёшь, бывало, и сразу почувствуешь себя пятилетним, счастливым. По правую руку было тут отделение мягкой игрушки со всевозможными куклами, яркими плюшевыми медведями, косоглазыми ушастыми зайчиками, хитроносими оранжевохвостыми лисичками и другим различным зверьём. По левую руку – игрушка жёсткая: автомобильчики, паровозики, пароходики, самолётики, тракторчики, экскаваторчики, вездеходики... В глубине магазина, где царил какой-то особенный, романтический полумрак, а потолки ещё ниже, было целых три отделения. В одном – всё для младенца: погремушки, матрёшки, целлулоидные шары, колечки, мячики, резиновые зверушки со свистульками и без свистулек. В другом – различнейшие конструкторы, наборы инструментов, строительные кубики. В третьем – настольные игры. Сколько тут толпилось по целым дням ребятишек со своими мамами и папами, бабушками, дедушками, старшими братьями и сестричками, дядюшками и тётушками! Сколько тут было сияющих глаз и замирающих от счастья сердец! И что же?... Прихлопнули, как говорится, всё это очарование со всеми его сокровищами, дёрнули, так сказать, с корнем, или, попросту говоря, закрыли! Не пожалели детишек вместе со всей их радостью!

Некоторое время магазин стоял с заляпанными краской окнами и лаконичной надписью: «Ремонт», потом открылся, конечно, но уже не игрушки там были, а иного рода товар – детская обувь. Взрослые своим практическим, трезвым умом рассудили: обувь для детей важнее, чем какие-то там игрушки.

Знал я ещё одно прелестное местечко: такой крохотный игрушечный магазинчик на углу улицы Воровского и площади Восстания, ни для чего, казалось бы, и не годный, кроме того, чтоб игрушками в нём торговать. И торговали. Даже бойко. Сам видел! А потом опять те же взрослые со своим умом: откроем-ка здесь лучше кафе – будет всё-таки кофейку где попить, пожевать чего-нибудь.

...Оно, конечно, открывать что-нибудь новое надо, в том числе новые кафе, тут и говорить нечего, но ведь для этого приходится у кого-то помещение отнимать. А у кого легче всего отнять? Ну конечно же, у детишек. Вот и отняли. И сидят там теперь за столиками, попивают кофейку свой.

И ещё один игрушечный магазин помню – на улице Горького: где-то между Васильевской и Большой Грузинской, по левую руку, если идти от площади Маяковского. Замечательный магазин был. Внутри светлый, высокий, торжественный, с мягко освещёнными витринами вдоль стен, а снаружи какой-то скромненький, неприметный, даже таинственный, я бы сказал. Нечто вроде описанной Гербертом Уэллсом волшебной лавки, которая, если помните, имела свойство по временам исчезать. Бывало, нарочно пойдёшь от Маяковской пешком, чтоб заскочить по пути в магазин, да так и дойдёшь до Белорусского вокзала, а магазина и не заметишь. Ну, думаешь, пропал магазин. Прихлопнули, словно муху, вечная ему память! А в другой раз идёшь – вот он, на месте! Я его так и прозвал тогда – «Волшебная лавка».

В один прекрасный день «Волшебная лавка» всё же исчезла. Подчистую, как говорится. Мне даже не верилось первое время. Всё думалось: наверно, я опять по рассеянности мимо прошёл. В конце концов я поставил себе задачей разыскать её. Надо же, думаю, как-то с рассеянностью бороться. Искал, искал, да так и не нашёл. Даже места, где она была, не удалось обнаружить. А недавно иду случайно, глядь – знакомая витрина. За стеклом – нарядные куклы, расписные глиняные козлики, матрёшки – мал мала меньше... Вхожу в магазин: всё как бы – то, и в то же время – не то. На прилавках – палехские шкатулки, пудреницы, металлические браслеты, янтарные бусы, шёлковые платочки с видом «Василия Блаженного», деревянные орлы и медведи, пёстрые варежки, настенные коврики ручной работы, серебряные рюмки с яркой эмалью. Куклы есть, правда, но не те, которые дарят детишкам, а безногие, которыми накрывают горячие чайники. Спрашиваю молоденькую продавщицу:

– Скажите, пожалуйста, тут раньше «Волшебная лавка», то есть – тьфу! – тут раньше игрушечный магазин, кажется, был?

– Ликвидирован, – говорит. – Здесь теперь сувениры.

– Ах, сувениры! А игрушечный магазин?..

– Ликвидирован. Я же сказала.

– Это вы точно знаете? Может быть, его в другое ме...

– Да что вы, гражданин: «Ме! Ме!» Я же вам человеческим языком: ли-кви-ди-ро-ван!

Вышел на улицу – на вывеске действительно «Сувениры» написано. А что такое сувениры? Те же игрушки, только для взрослых. Сейчас, как известно, у взрослых мода на сувениры пошла. А ради моды взрослый человек тебе что хочешь сделает: пожертвует всем на свете, в том числе и самым волшебством.

Жалко «Волшебную лавку»! Помню, раньше детишки так и тянулись к ней, словно пчёлы к родному улью, а теперь... Впрочем, я всё же верю, что «Волшебная лавка» не исчезла совсем, а когда-нибудь в один прекрасный момент я снова увижу её на прежнем месте. А может, она появится на какой-нибудь другой улице, в другой части города. Что ей стоит! Она же волшебная! Для неё это пустяки, а какая была бы радость детям!

Конечно, могут сказать, что мы не только обижаем как-нибудь невзначай детишек, но и делаем для них много добра. Вот, например, магазин «Детский мир». Где ещё есть такое четырёхэтажное чудо? Там можно купить для ребёнка всё. В том числе и игрушки. Это верно. Игрушки там продаются, и притом в огромных количествах. Но разве до открытия теперешнего «Детского мира» на площади Дзержинского у нас совсем не было «Детского мира»? Был «Детский мир» (правда, не таких гигантских размеров) на улице Кирова. Там и игрушки были. А теперь разве там есть игрушки? Теперь там книги, а игрушек никаких нет. До открытия «Детского мира» на площади Дзержинского игрушки продавались и в ЦУМе, и в Петровском пассаже. А теперь пойдите спросите: торгуют ли они игрушками? Вам ответят, что за игрушками надо идти в «Детский мир». Скоро, наверно, кроме «Детского мира» да ещё, может быть, «Дома игрушки» на Кутузовском проспекте, нигде нельзя будет купить ребёнку игрушку.

А разве так надо игрушками торговать? Торговать игрушками надо, как торгуют иногда книгами. Не идёт, бывает, в магазине какая-нибудь книга – залежалась, её сейчас же на лотки да на улицу или просто навалят кучей где-нибудь в подземном переходе метро, и какой-нибудь дядя кричит зычным голосом:

– А вот мировая книга! О любви мужчины и женщины. Очень смело написана! За восемьдесят три копейки будете читать всю жизнь. Книга, которую ищут по всей Москве. Имеется только у нас и в семьдесят шестом магазине. Ограниченный тираж! Всего две пачки осталось.

И берут. Хватают! Человек, который и не подумает пойти в магазин за книгой (он этой привычки не приобрёл с детства), здесь купит ненароком такую книгу, которая ему и не нужна вовсе. Такова психология покупателя: что видит, то и берёт. Значит, надо, чтоб покупатель видел игрушку. Чтоб она ему на каждом шагу в глаза кидалась. Стоит, скажем, шашлычная или пивная, а рядом киоск с игрушками или хотя бы столик. Даже не обязательно, чтоб большой выбор был. Можно наполнить корзину пластмассовыми автомобильчиками (теми, которые по 12–15 копеек штука), или глиняными жучками, или обезьянками с трясущимися конечностями и пустить вразнос. Постоит продавщица у дверей «Гастронома» и за какой-нибудь час распродаст всю корзину. И никому от этого – никакого вреда. Только польза!

Вообще надо, чтобы по пути следования каждого родителя домой с работы попадался минимум один игрушечный магазин или хотя бы киоск, хотя бы столик, хотя бы вот такая тётка с корзиной. Увидев у «Гастронома» тётку, родитель вспомнит и о ребёнке. Иной родитель не принесёт своему малышу игрушку только потому, что встретит на своём пути скорее пивную, нежели тётку с игрушками. Ну, а дети из-за этого, конечно, сильно проигрывают. Бывает,

малыш ждёт, ждёт, когда ему подарят игрушку, да так и вырастет. Ребята ведь быстро растут. Время-то не ждёт!

И ещё: пора нам наконец взяться за ум и начать разводить пони и осликов. Ведь сейчас покататься на ослике ребята могут лишь в зоопарке. А там что творится? Очередь вокруг площадки, где происходит катание, закручивается в иной день такой гигантской спиралью, что на неё без головокружения смотреть нельзя. А катание?... За пятак обвезут ребёнка вокруг клумбы с цветами – и вылезай! Впрочем, за пятак теперь никого и не возят. Берут сразу гривенник и обвозят вокруг клумбы два раза, чтоб побыстрей оборачиваться. Но всё равно: два раза вокруг клумбы за такие деньги – это чудовищно мало! Я подсчитал, в тележку помещается семь ребят; с каждого по гривеннику – семьдесят копеек. Если бы ребяташки додумались взять такси, то шофёр за семьдесят копеек обвёз бы их вокруг клумбы не два раза, а, наверно, раз двести. Правда, на такси детишкам, надо полагать, не так интересно кататься. А за интерес приходится папам и мамам расплачиваться.

Увлёкшись арифметическими подсчётами, я обнаружил, что обыкновенный осёл в зоопарке зарабатывает умопомрачительные суммы. Обвёз дважды тележку с ребятами вокруг клумбы – получай 70 копеек. На всю поездку затрачивается от одной до полутора минут; ещё столько же уходит на посадку и высадку (я по часам смотрел). Возьмём максимум: на то и другое по полторы минуты. Значит, 70 копеек осёл зарабатывает в течение трёх минут. За час он совершит 20 таких поездок и получит 14 рублей, а за восьмичасовой рабочий день, следовательно, 112 рублей. Месячная его зарплата, таким образом, выразится в размере 3360 рублей. Такую зарплату ему не положили бы, если бы сделали самым директором зоопарка. За год осёл заработает – 3360 помножить на 12 – получится 40 320 рублей. Это новыми деньгами, а в пересчёте на старые – 403 200, то есть почти полмиллиона рублей!..

Если затратить все эти денежки на уход за таким ослом, то поселить его придётся в королевском коттедже, окружить целым штатом фрейлин и кормить одними рябчиками и петушиными гребешками, да и то он всего не сожрёт. За деньги, которые он получает за день, можно купить его самого со всеми потрохами. А за те деньги, которые он получает с детишек за год, можно отлить его фигуру из чистого золота в натуральную величину и поставить посреди зоопарка в назидание всем финансовым гениям настоящих времён и будущих.

Скажем прямо: не разобрались ещё в этом деле детишки, а то бы они нам сказали: «Да ну вас с вашими понями и осликами! Нечего эксплуатировать интерес ребёнка к животным! На те деньги, которые мы прокатали на пони и осликах, можно было съесть целые горы мороженого, выпить реки газированной воды с сиропом, накупить Монбланы игрушек и книжек с картинками, просмотреть километры кинокартин, настроить всюду деревянных беседок, и горок, и песочниц с чистым песочком, и качелей, и каруселей, и чёртовых колёс в придачу... Короче говоря, гоните деньги обратно!»

Может быть, мы, конечно, чего-нибудь недопонимаем по части финансов. Бухгалтерии, безусловно, видней, что к чему в этом вопросе. Но думаем, что если бы детишки сообразили кооперироваться и купить на свои сбережения хоть одного ослика, то в течение года он заработал бы для них кругленькую сумму. На эти деньги они смогли бы построить для себя сказочный парк, о котором давно мечтают. В этом парке у них были бы этнографические уголки разных стран и народов, там были бы сталактитовые пещеры, лунные кратеры, модели спутников и космических кораблей. Там стояли бы взаправдашние самолёты, в которые можно залезть и подёргать за рычаги, там падали бы с гор водопады, били бы из земли гейзеры и курились вулканы; там на каждом шагу попадались бы киоски с игрушками и была бы хоть одна настоящая волшебная лавка с подлинными магическими кристаллами, цилиндрами и шарами и прочими атрибутами волшебства; там ребята могли бы встретиться со всеми своими любимыми сказочными героями, а уж кататься стали бы не только на пони и осликах, но даже на слонах, динозаврах и дрессированных кенгуру.

Словом, всё это у наших детей ещё впереди, и для нас тут открывается широкое поле деятельности.

А, Б, В (*Мечты и фантазии*)

Для того чтобы научиться читать, необходимо прежде всего выучить азбуку, то есть названия отдельных букв алфавита: А, Б, В, Г, Д и т. д. Это, так сказать, обязательное условие, без которого никакое человеческое знание на современном уровне недоступно. Азбуку же обычно начинают изучать в детстве, когда человек ещё мал и недостаточно смыслит. Некоторые родители, желая, чтобы их дитя явилось первым раз в школу подготовленным, усаживают его за букварь. Понуждаемый взрослыми, ребёнок начинает зазубривать по книжке все эти непонятные для него закорючки, с самого начала получая отвращение к науке. Ведь удержать в памяти без какой-либо предварительной тренировки начертания и наименования более трёх десятков не связанных ни с какими конкретными представлениями знаков – работа огромная даже для более развитого ума, во всяком случае, требующая от ребёнка той усидчивости, которой у него ещё нет. Всем известно, что для его возраста сидеть на месте – дело самое ненавистное.

Гораздо разумнее поступают родители и воспитатели, которые исподволь показывают ребёнку отдельные буквы, добиваясь, чтобы он, как бы играя, запомнил хотя бы некоторые из них. Огромную помощь здесь может оказать такая игра, как кубики-азбука. Ребёнок, строя из таких кубиков свои сооружения, невольно обращает внимание на буквы, постепенно привыкает к их виду, начинает их различать. В таких обстоятельствах малышу совсем не трудно запомнить для начала хотя бы одну букву, зато когда его спросят, он испытает удовлетворение, дав правильный ответ. Ребёнок ужасно любит похвалиться своими знаниями и, если получает возможность продемонстрировать их, испытывает неподдельную радость.

Один мой знакомый четырёхлетний малыш, которому недавно купили такие кубики, очень быстро выучил почти всю азбуку, и теперь от него никому спасения нет. Он ходит за всеми со своими кубиками и пристаёт то и дело:

– Ну-ка, спроси меня, какая это буква.

Так на место угнетающей детскую душу принуждения становится внушающая радостную эмоцию творческая инициатива, что хорошо уже не только для усвоения азбуки, но и для формирования самого характера ребёнка, для воспитания самостоятельно мыслящей личности.

К чести нашей игрушечной промышленности надо сказать, что она не оставляет без внимания нужд ребёнка и хотя, может быть, ещё в недостаточных количествах, но поставляет столь необходимые ему кубики. Беда лишь в том, что, помимо этих допотопных кубиков, по которым учились ещё наши прабабушки, мы за последние двести лет ничего, по сути дела, не придумали, чтоб облегчить усилия ребёнка на его трудном пути. На месте директоров игрушечных фабрик я бы почаще подбрасывал ребятишкам все эти букочки. Пусть бы они видели их не только на вывесках магазинов, попадая на улицу, но и на своих игрушках, в домашних условиях.

В продаже часто имеются дешёвые пластмассовые автомобильчики, сделанные в виде цистерн или фургончиков с надписями: «Бензин», «Хлеб», «Молоко», «Книги», «Игрушки»... Я бы на такой молочной цистерне помещал большую яркую букву «М», на цистерне с бензином – букву «Б», на пожарной цистерне – «В» (вода, значит), на хлебном фургончике – «Х» и т. д.

Видя на разных машинах разные буквы, играющий малыш нет-нет да и задумается об их значении, может быть, даже спросит, а запоминание будет облегчено тем, что каждая буква связана тут с уже знакомыми ему вещами: «А» – автобус, «М» – молоко, «Х» – хлеб... Главное здесь в том, что буква придёт к ребёнку вместе с игрушкой и включится в игру.

Будь я игрушечным директором, я бы и ещё кое-что придумал. Я бы выпускал для ребятшек игрушечные печатки. Это такие деревянные колодочки, к которым приклеены резиновые букочки. Приложишь такую печатку к подушечке с штемпельной краской, притиснешь к бумаге, и получится оттиск буквы. Интереснейшее занятие, даже для взрослого, честное слово! Ребёнок обязательно хоть на время увлечётся печатанием, в процессе которого будет постигать и названия букв.

А вот если бы меня сделали вдруг директором кондитерской фабрики, я бы выпускал для детишек конфеты «Азбука». Существуют же конфеты «Золотой ключик», «Мишки», «Забава», на то будет ещё и «Азбука». Разве не всё равно, что на бумажках печатать? Полиграфические затраты всё равно идут. А тут на одной бумажке – буква «А» и нарисован автобус или традиционный арбуз, на другой – буква «Б» и рядом белочка нарисована – всё как на тех же кубиках, только поярче и с золотом, ведь на конфеты мы не жалеем ни бумаги, ни краски.

А зато польза какая! Ребята страшно любят собирать фантики. Задавшись целью собрать полную коллекцию, то есть всю азбуку, ребёнок сам будет стараться запомнить вид и название недостающей ему буквы. Меняясь между собой дубликатами, юные коллекционеры уже без помощи взрослых начнут просвещать друг друга: если какой-нибудь малыш не так назовёт букву, его тут же поправят более опытные товарищи. Дело изучающих азбуку перейдёт, таким образом, в руки самих изучающих. Тому, кто соберёт полную азбуку, можно будет выдавать премию. Думаю, что в будущем мы учредим для этой цели особую государственную премию, которая будет выдаваться малюткам в любом конфетном магазине по предъявлении ими полного комплекта азбуки. Ну, а пока этого нет, родители и сами могли бы выделить для этой цели кое-какие средства, что, безусловно, усилило бы интерес к предлагаемому нововведению, полное научное значение которого сейчас ещё трудно даже предугадать.

Среди настольных игр в магазинах игрушки можно часто видеть различные электровикторины. Это очень простая штука. На небольшом картонном щитке справа изображены, скажем, портреты известных писателей или корабли различных систем, а слева тексты с именами писателей или описаниями кораблей. Под каждой картинкой и текстом – электрические контакты, которые можно соединять гибким проводом. При правильном соединении контактов, то есть при соединении картинки с соответствующим ей текстом, сверху на щитке загорается лампочка от карманного фонаря.

Тоже увлекательное занятие, тут и говорить нечего! Сидишь и соединяешь контакты, проверяя свои знания в кораблестроении или достопримечательностях Москвы. Всё это, однако ж, для более старших ребят. А я бы пришёл на помощь самым маленьким, сделал бы для них электроазбуку. Им ведь тоже хочется, чтобы лампочка загоралась. Вместо писателей с кораблями здесь на табличке будут букочки: А, Б, В... а с другой стороны картинки: арбуз, белочка, вишенка и т. д. Сделав соединение правильно, например соединив контакт буквы «А» с изображением арбуза, ребёнок получит поощрение в виде засиявшей сверху лампочки. Даже не зная какой-нибудь буквы, ребёнок может узнать её при помощи такой викторины. Соединив конец провода с контактом буквы, он будет другой конец поочерёдно прикладывать к контактам возле картинок. Заметив, что лампочка зажглась, когда он присоединил конец провода к изображению гуся, он может сообразить, что интересующая его буква – «Г», поскольку слово «гусь» начинается с этой буквы.

Не трудно представить себе, что будет, когда такие азбуки-викторины повесят на стенах в детских садах, в детских парках и уголках, в комнатах матери и ребёнка, в детских комнатах милиции и т. п. Детишки то и дело будут подходить к викторине и включать контакты, добиваясь заветного сияния лампочки. Те, кто уже знает хоть несколько букв, будут делиться своим опытом с теми, кто ещё ничего не знает, и процесс обучения пойдёт, так сказать, своим ходом, и даже без вмешательства взрослых. Стоимость такой азбуки будет не дороже обычных кубиков, и её сможет приобрести любой родитель для индивидуального пользования.

Нечего и говорить, что предлагаемая электроазбука и подобные ей викторины явятся, по сути дела, первыми в жизни ребёнка обучающими машинами, и переход на программированное обучение совершится на детсадовском уровне, не дожидаясь введения программированного обучения в школах и вузах.

Просто обуревают радость, когда подумаешь, до чего это всё замечательно будет! А вот если бы мне наконец повезло в жизни и меня назначили директором какого-нибудь издательства, я выпускал бы ещё для детишек наборы красочных плакатиков, хотя бы по одному на каждую букву. Посредине – большая яркая буква, к примеру «К», а вокруг рисунки котят, козлят, курочек, китят, крокодильчиков – в общем, всего, что начинается на «К». Это для того, значит, чтоб ребёнок понемногу учился обобщать жизненные явления (это вообще), а в данном случае, чтоб учился схватывать, какая буква является общей во всех этих разных, непохожих друг на дружку словах.

И ещё я выпускал бы очень весёлые и смешные и в то же время дидактические картинки с такими примерно вопросами: какие предметы ты видишь на этой картинке на букву «А» или на букву «Б» и т. д. Малышу обязательно надо научиться выделять отдельные звуки из слов на слух, тогда ему легче будет понимать и смысл букв, являющихся, по сути дела, обозначением этих звуков.

Пользуясь такими картинками, можно даже затевать с ребятами игры: кто больше предметов назовёт, тот и победил. Можно даже настольную игру выпустить в виде набора картинок, как для картинного лото, в красивой коробке. Это было бы весьма кстати, так как настольных игр для дошкольников явно недостаточно.

Вообще я бы много чего наделал. А главное, навывпускал бы для детишек книжонок, которые можно было бы назвать первыми книжками до букваря. В одной такой книжке я бы каждой букве посвятил отдельную страничку или разворот. В другой наделал бы весёлых картинок с вопросами и без вопросов. В третьей у меня были бы загадочные картинки на буквенную тематику. Ещё была бы книжка с окошечками и шарнирами, чтоб можно было загадывать, какая в окошечке появится буква. Ну и так далее. И ещё выпустил бы книжку – руководство для родителей, как всем этим игровым богатством пользоваться.

Такая книжка могла бы сослужить большую службу и детишкам, и взрослым. Ведь ребята сейчас приходят в школу в основном уже со знанием азбуки и даже умея читать. Таким образом, самый трудный путь они проделывают не под руководством опытных педагогов, а под руководством родителей, часто не имеющих ни знаний, ни опыта в этом деле, каждый из которых учит как может, без какого-либо пособия или руководства. Между тем все усилия сейчас должны быть направлены на то, чтоб ребята приходили в первый класс наилучшим образом подготовленными. Ведь теперь им предстоит проходить четырёхлетнюю программу в три года. Это легко сказать. Или предписать. А на деле будет проходить с большими потерями, связанными с человеческими судьбами. Надо заранее знать, откуда черпать ресурсы для такого сокращения сроков.

Я убеждён, что подготовка ребят, являющихся в первый класс, должна быть примерно равноценной. Сейчас нередки случаи, когда часть поступающих уже умеет читать. Другие в то же время и с буквами не знакомы. Кто знает, может быть, поэтому некоторые ребяташки начинают отставать уже с первого класса. Им, должно быть, попросту не угнаться за остальными. Хорошая подготовка в добукварный период с использованием игровых материалов помогла бы ребёнку нормально учиться в школе.

У кого-нибудь, возможно, явятся опасения. А не хватим ли мы в этом деле лишку? Не засыплем ли бедного малыша всеми этими кубиками, плакатиками, вертушками, викторинами по самую так называемую макушку? На это можно сказать с уверенностью: не засыплем. Во-первых, наша игрушечная промышленность не сразу и раскачается, а во-вторых, когда начнём доходить до макушки, надо будет своевременно позаботиться, чтобы весь этот мощный поток

не оседал преимущественно в больших городах, а помаленечку направлялся и в не столь крупные города, и в колхозы, в которых сейчас не то что каких-то там кубиков, а даже простой разрезной азбуки днём с огнём не найдёшь.

Так что можно не беспокоиться. Лишку не хватим. А для наших будущих Лобачевских и Ломоносовых, Пушкиных и Маяковских, Гагариных и Терешковых скупиться не следует. Какими бы они ни вышли впоследствии гениями, всё равно азбуки им не миновать.

Ребёнка, по моему глубокому убеждению, надо готовить к учёбе исподволь, не бросая сразу в холодную воду, стараясь привить ему творческий подход к делу, стараясь пробудить и развить в нём инстинкт познания.

И делать это надо ещё до того, как ребёнок встретится с букварём. Букварь – книга, безусловно, полезная, но скучная. Если мы сразу оторвём малыша от беготни, от игры и без всякой предварительной подготовки засадим за этот серьёзный, строгий на вид и совсем не смешной учебник, он будет смотреть на него букой. Не исключено, что и на другие книги, и на нас самих он тоже начнёт смотреть букой. И тогда будет ох как нехорошо. Одного такого буки будет достаточно, чтобы навести страх на весь класс и испортить жизнь двум десяткам учительниц и учителей во главе с директором школы и завучем в придачу.

Поэтому не будем Плюшкиными!

Второй раз в первый класс

Второй раз в первый класс я попал лет сорок спустя после того, как его закончил. У писателя, пишущего для детей, появляется иногда потребность понаблюдать, как живут его герои. (Каюсь: с этим делом я лично не слишком спешил, да теперь уж что сделаешь.) Школа мне попала как раз такая, в которой часто бывали различные методисты, наблюдатели, практиканты и дебютанты (то есть будущие и начинающие учителя), работники РОНО и МОНО, так что ребята уже привыкли видеть у себя на уроках кого-нибудь из незнакомых взрослых людей и не обращали на них внимания. Когда я пришёл, ученики уже сидели за партами. Учительница стояла возле стола и разговаривала с медсестрой в белом халате. Между обеими женщинами стоял маленький ученик ростом не выше стола. В руках у учительницы была беленькая бумажка, которой она энергично размахивала над головой ученика.

– Не знаю, где он взял медицинскую справку, – раздражённо говорила учительница. – Мать утверждает, будто он был болен, а между тем ребята видали, как он играл на улице.

Малыш задирает свою круглую стриженую головёнку кверху и, пугливо помаргивая, следил за порхающей над ним бумажкой.

– Где ты взял эту справку, Калитин? – спросила его медсестра.

– Мама дала.

– Вот видите! – развела руками учительница. – Ну, иди, сядь на место.

Она отдала справку медсестре и, провожая взглядом Калитина, который путешествовал между рядами парт к своему месту на так называемой камчатке, отрекомендовала его мне:

– Отстающий. В школу часто является не приготовив уроки. Дома никто не следит за ним. По русскому очень отстал. Останется на второй год.

Произнеся этот категорический приговор, она махнула рукой, после чего велела ученикам достать книгу для чтения и отыскать на нужной странице стихи. Захлопали крышки парт. По классу словно пролетел ветерок. Это ребята зашелестели листочками в книгах.

– Все нашли? – спросила учительница. И не дожидаясь ответа: – Галкин, читай первую строчку.

Медленно, запинаясь на отдельных слогах, как обычно читают малыши, едва закончившие букварь, Галкин прочитал первую строчку стихотворения:

Ель растёт перед дворцом...

– Молодец! Кто скажет, о чём здесь говорится?

Сразу поднялось несколько рук.

– Скажи ты, Арефьев.

– Здесь говорится о ели.

– Правильно. Садись. Что такое ель?

Опять потянулись кверху руки.

– Скажи ты, Иванов.

– Ель – это ёлка.

– Ель иначе называется ёлкой, – милостиво согласилась учительница. – А что такое ель или ёлка? Птица это или насекомое?

Пока Иванов усиленно думает, находится множество желающих ответить.

– Ну, скажи ты, Потапов.

– Ель – это дерево.

– Вот правильно! Какие вы ещё знаете деревья?

Поднимая руки, ученики в организованном порядке сообщают известные им породы деревьев.

Когда все вопросы по прочитанной строке оказываются исчерпанными, учительница переходит к чтению следующей строчки стихотворения. Возникают новые вопросы. Активность класса растёт с каждой минутой. Со всех сторон тянутся руки. Глаза малышей устремлены на учительницу с мольбой. Каждому хочется, чтоб спросили именно его.

За одной из парт в среднем ряду сидит черноволосый мальчик в голубой рубашке. Он очень возбуждён всем, что происходит вокруг. Лицо его покраснело от волнения. При каждом вопросе он вскакивает и изо всех сил вытягивает руку вперёд. Ему кажется, что учительница не видит его из-за сидящих перед ним учеников. Не опуская руки, он мечется из стороны в сторону, словно посаженный в клетку зверёк, и чуть не вываливается из-за парты. Учительница же, как нарочно, спрашивает кого-нибудь другого, и он каждый раз плюхается обратно на место, с отчаянием откидываясь на спинку парты. В его глазах появляется спокойное разочарование человека, привыкшего к мысли, что ему не везёт в жизни... И вдруг... О счастье! Учительница спросила его. Бойко ответив, он садится на своё место с гордым видом победителя.

Наконец стихотворение прочитано. Учительница велит достать тетради и выписать из стихотворения названия предметов, то есть слова, отвечающие на вопросы «кто?» или «что?».

Все достают тетрадки и начинают писать. У ребят возникает ряд недоумений, с которыми они обращаются друг к другу или к учительнице. Одному кажется, что надо выписать слово «растёт», потому что можно спросить: «Кто растёт?» Другому кажется, что слово «дом» не надо выписывать, потому что нельзя сказать: «Кто дом?»

Моё внимание привлекает ученик, сидящий в крайнем ряду у окна за последней партой. Он сидит один, без пары. Я его уже давно заметил, ещё когда читали стихотворение и учительница задавала вопросы. Он сидел тихо, положив ручки перед собой на парту, жмурился, словно котёнок на солнышке, спокойно поглядывая то в окно, то на ребят, и ничем не обращал на себя внимания учительницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.